

Корпорация "Коррупция"

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Дмитрий Серков

18+

Дмитрий Серков
Корпорация «Коррупция»

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Серков Д.

Корпорация «Коррупция» / Д. Серков — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Ранним утром в рабочем кабинете обнаружен труп советника губернатора, ведающего вопросами борьбы с коррупцией. Единственный выстрел наталкивает на мысль о заказном убийстве. Отставному сыщику Василию Ледневу предстоит приоткрыть завесу тайны над жизнью чиновников, заглянуть в святая святых вертикали власти. Перед Вами книга, потрясающая читателя небывалой реалистичностью и неприкрытым цинизмом. Книга, во многом написанная не благодаря, а вопреки: людям, событиям, времени... Такого о современной России Вы еще не читали и могли только догадываться. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Серков
Корпорация «Коррупция»

*Это все – рядом с вами, впритирочку с вами,
но – не видимо вам...*

Александр Солженицын
«Архипелаг Гулаг»

Вступление

Этого не должно было случиться. Только не сегодня. Только не с ним.

...День обещался быть солнечным и теплым. Одним из тех, в которые несмотря ни на какие невзгоды, улыбаешься навстречу солнцу, радуешься каждой мелочи, дышишь полной грудью. Все-таки первая суббота лета! Впереди еще куча времени для работы и отдыха, а до слякоти осени и промозглых зимних ветров так далеко. Сегодня все должно было сложиться иначе. Не вышло.

Смерть!

Там за чертой может быть только темная, холодная и бездушная смерть. Конец всего сущего. Просто конец. Финал затянувшегося, но жутко увлекательного спектакля под названием «Жизнь». Занавес, поклон, аплодисменты. Восторженные крики поклонников. Бис! Bravo! Оркестр, слезы сожаления, нестерпимая горечь утраты.

Реальная жизнь – не театральная постановка – ее не переиграешь и не перезагрузишь кнопкой «reset», не исправишь ошибки и не отойдешь на шаг назад. Только вперед! Вперед бесстрашно, но с головой. Взвешивая каждый поступок, ступая аккуратно, с чрезвычайной осторожностью, чтобы зря не обидеть, чтоб без повода не затоптать. Нельзя за спиной оставлять обиженных и обделенных, все враги должны быть только перед глазами, обязательно обозримы и осязаемы. Только тогда их действия можно предугадать. Позади – исключительно благодатная почва и осчастливленные судьбы, благодарные люди и исполненный долг. Долг перед страной, долг перед городом, долг перед друзьями, долг перед семьей...

Нет, с семьей все не так. Все сложнее. Намного сложнее. Пока исполнял долг перед Родиной – не до них было. Любил, скучал, переживал, даже заботился как мог... Тогда так казалось... А на самом-то деле – забросил самых дорогих сердцу людей, по недомыслию оставил на произвол судьбы, прикрывшись высокими идеалами. Когда осознал – прослезился и ужаснулся собственной безалаберности и бездушности. Все не так должно было быть: не карьеру надо было строить, а жизнь устраивать. Для семьи, для жены и детишек... Вовремя спохватился, прозрел. Птицу счастья буквально за хвост поймал, в последний момент, удержал в своих руках, не дал распасться дорогому по крупичкам. Да и шанс удачный подвернулся. Сменил рискованную службу на безопасную, но не менее полезную. Раньше на благо обществу служил и сейчас продолжил. Только в несколько иной ипостаси.

Жена хоть переживать да волноваться за него перестала. Успокоилась немного. Поняла, что вот он, рядышком. Дома, конечно, ночевать не многим чаще стал, но ей не забывал повторять, что гражданская служба все больше кабинетная да застольная – работа с документами и населением. Опасность для здоровья несравнимо меньшая – задницу насидеть и пузо нажрать. Нервы, конечно, железные надо иметь – население у нас то еще! – но с народом он всегда общий язык умел находить, что раньше, что сейчас...

Но сейчас все иначе.

Смерть!

В мир иной как-то совсем не хотелось.

Не успел еще осуществить задуманное. Планов – громадье, времени... Можно поторговаться еще... Нужно торговаться! Жизненно необходимо. Туда-то он всегда успеет, а здесь еще дела остались. Очень уж хочется самому услышать рукоплескание публики, восторженные крики толпы, хочется до конца дописать пьесу под названием «Жизненный путь Бориса Андреевича Штурмина, храброго бойца и достойного сына Отчизны, героя нашего времени». И не просто дописать, поставив жирную точку, а изложить подробно и достойно, со всеми изгибами и поворотами, лаконично описать подвиги и заслуги. Не из гордыни, нет. Только чтоб последующие поколения могли правильно оценить масштаб личности, взвесить содеянное, осознать оставленное наследие.

По-любому выходило, что рано прощаться, рано снимать со своих плеч груз возложенных обязанностей и обязательств, рано расписываться в собственном бессилии. Есть еще порох в пороховницах! Бороться надо до конца...

А конец вот он. Недалеко. Что называется, в шаговой доступности.

Казавшееся бездонным жерло пистолетного ствола смотрело ему точно между глаз. Рука, державшая оружие, на удивление не дрожала. Глаза глядели холодно и беспощадно. Хотя ему как-то показалось, что во взгляде промелькнула даже толика сожаления, грусти.

Привиделось, наверное...

Летом утро наступает рано, и за окном уже совсем рассвело. Сумерки быстро рассеялись, поддавшись напору сильных лучей июньского солнца. Небо налилось бирюзовой синевой, прогнав мерцающие звезды, шаловливо игралось зайчиками на стеклах припаркованных автомобилей и стенах домов. Город лениво просыпался, субботнее утро медленно вползало во дворы. Деревья бодро шелестели изумрудной листвой, а еще не испуганный городской суетой соловей пел волшебные серенады, наслаждаясь собственным голосом.

...И время не самое подходящее. Как же не хочется умирать, когда жизнь вокруг только начинается, стяхивая с себя нежные и вязкие оковы Морфея! Скоро забурлит, закипит деловая активность, незнающая усталости и перерывов; отдыхающие потянутся кто к морю, кто за город, в горы, на самый большой и живописный в округе водопад; детвора высыплет во дворы, двинет в аквапарк, где продолжит резвиться до самого вечера; хозяйки и домоуправительницы оккупируют городские рынки в поисках наисвежайших и наивкуснейших продуктов, а также лучших бытовых мелочей.

Там постоянное движение, энергия, бьющая через край, а здесь, в рабочем кабинете, в полутьме рассеянного света настольной лампы время точно остановилось. Замерли стрелки часов, в немой гримасе застыло изображение на экране телевизора, окружающие предметы превратились в пустые декорации, лишённые всякого функционального значения. Ни звука, ни дуновения ветра. Есть только ледяной взгляд убийцы – выражение глаз человека, готового переступить черту, не спутаешь никогда и ни с чем – и бездушное смертоносное око пистолетного ствола, притягивающего его, словно магнит. Пистолет завораживал, затягивал в свое жерло, манил бездонной глубиной, поражал безграничной властью, сковывая движения.

Профессиональный взгляд сходу оценил орудие убийства: перед ним тускло поблескивал воронеными боками немецкий «Вальтер ППК». Далеко не самый современный – активно использовался криминальной полицией Германии до начала семидесятых годов, зато простой в обращении и безупречный в работе. Кстати, любимое оружие агента 007 Джеймса Бонда...

Страх не было. Была отрешенность и пустота. Дуэль между пистолетом и жертвой.

Надо что-то делать. Не пускать события на самотек. Надо встряхнуться, ведь пока бьется сердце, есть еще шанс, есть надежда.

Умереть здесь, в чиновничьем рабочем кабинете, за письменным столом было глупо и недостойно его, боевого офицера, прошедшего Афганистан и Чечню, сумевшего уцелеть в крошечном аду войны. Только не сейчас, только не сегодня... Еще многое намечено на будущее. Обещанное и до сих пор не выполненное. Еще один шанс... всего один...

Борис Андреевич оценил расстояние до руки, державшей пистолет. Жалкая пара метров отделяет его от спокойствия и благополучия. Расстояние плевое, если бы не несколько «но»: во-первых, между ним и убийцей плотной встал широкий дубовый стол, во-вторых, он сидит в своем рабочем кресле, из мягких объятий которого так просто не выпрыгнешь, в-третьих... неважно... Ему потребуется время, которого у него нет. С двух метров ни один слепец не промахнется.

Смерть!

Мозг подсказывал, что бороться надо до самого конца, до последнего вдоха, но тело, будто закованное в кандалы, отказывалось подчиняться. Мышцы налились свинцом, к ногам точно пудовые гири привязали – ни встать, ни повернуться. Он уже сдался, подчинился судьбе, хотя и боялся признаться себе в происходящем.

Как же он мог допустить такую непростительную ошибку, оступился на прямой ровной дороге? Ведь каждый миг, каждый час тщательно продумывал поступки и меру ответственности. Каждый шаг на пути вперед был выверен до мелочей. Без помарок и ошибок. Партия должна быть просчитана до конца! И тут на тебе...

Единственное холодное око «Вальтера» смотрит ему точно меж спокойных и уставших карих глаз.

Прокол вышел, как всегда, в мелочах. Даже не прокол, а глупое, непредсказуемое стечение обстоятельств. Такого просто не могло случиться никогда...

Но случилось! Сейчас, когда нервы на пределе и до черты осталось меньше шага, уже ничего не объяснишь. Не убедишь, что все должно было сложиться иначе. Не так, как вышло, а так, как планировал...

Он всегда шел прямой дорогой, оставаясь честным пред собой и окружающими. Не кидал и не обманывал. Если искал и находил выгоду в делах, то она доставалась не только ему, а всем участникам делового процесса. Вряд ли кто-то из коллег или партнеров смог бы предъявить ему претензии по поводу его нечистоплотности. Вряд ли...

Но «Вальтер» не сводил с него своего внимательного взгляда.

Время остановилось. Уже никто не требует от него оправданий. Приговор вынесен, и через мгновение будет приведен в исполнение.

Смерть!

Он не знает, как она выглядит. И давно уже не боится образа дряхлой старухи с косой. Борис Андреевич Штурмин так часто ходил по краю и так часто чувствовал ее холодное дыхание, что, в конце концов, свыкся с ее незримым присутствием и перестал обращать внимание. Когда был мальчишкой – боялся до дрожи в коленках; под палящим афганским солнцем – боялся, но совсем по-другому, чувствовал, что они единое целое, как инь и янь, как обязательные детали одного механизма, немыслимые друг без друга. Она присутствовала, как данность, как необходимая часть равновесия. Как вода. Как воздух. Как пища материальная и духовная. Когда повзрослел и заматерел, страх переродился в инстинкты, чутье. Без звериного чутья ни в мирной жизни бы не выжил, когда ходил по самому лезвию, в любой момент мог рухнуть в бездну, ни на воинствующем Кавказе, в Чечне, где инстинкт самосохранения ценился дороже любого бронжилета и автомата, многократно спасал от неминуемой гибели. А потом и вовсе бояться перестал. Ни следа от страха не осталось. Столько повидать на жизненном пути довелось, что когда к полувековому юбилею время подошло, смешно стало еще чего-то пугаться. Пуганый он уже, Борис Андреевич Штурмин...

Боже! О чем он думает пред смертными вратами! Все бабки считает, прикидывает, кому должен, а кому – не очень. Хотя нет, он и правда, ответственность чувствует перед людьми: перед друзьями, коллегами, жителями, семьей...

Хрен с ними, с остальными.

Семья – самое главное и самое дорогое. На кого он их оставит? Кому до них будет дело? Если смотреть объективно, то только на него они и могли надеяться, на него опереться. Как бы не упали, устояли бы под натиском трагического известия. Не сломались бы, сдюжили...

Пистолет по-прежнему был направлен в основание его широкого лба, и Борис Андреевич не находил в себе сил посмотреть в глаза убийце. Что это? Неужели страх возвращается и увенчает финал его жизни? Неужели пронзительные зеленые кошачьи глаза зародили в глубине его души семя давно забытого чувства?

Он не верит ни в Бога, ни в черта! И к кому уповать, когда стоишь на самом краю? Когда дальше – небытие, а здесь, на грешной земле остаются единственно близкие и любимые. В одиночестве. Кого молить о снисхождении? Кто поможет им в трудную минуту?

В жизни бывало всякое. И споры, и конфликты. Но через годы они смогли пронести самое светлое в отношениях друг к другу, самое возвышенное. Без обмана и лукавства. Сегодня, уходя на работу, когда ночь еще не отступила, и вокруг царил мгла, он склонился над женой, мягко прикоснувшись к ее губам, и в ответ услышал сонное:

– Я тебя люблю, милый...

Теплее слов не было в мире. Дороже серебра и злата. Как оказалось, это было их прощание, последний миг влюбленных и любимых.

Нет, их любовь уже давно не такая, как прежде. Не взрывная и безумная, феерическая и искрящаяся, а спокойная и рассудительная, нежная и чуткая. Когда-то их безудержная страсть выжигала землю вокруг, испепеляла чувства, иссушала до самого дна. Ее хотелось пить, пить безудержно до последней капли, жадно ловить губами предрассветную росу, слышать каждый вздох и каждое слово, каждой клеточкой тела ощущать близость. Когда-то их чувства были подобны стремительному бегу по залитому солнцем лугу, когда крики безудержны и восторженны, а смех заразителен в своем задоре. Сейчас же отношения больше походили на тихие прогулки затененными дорожками осеннего парка, окрашенного пестрой багряной листвой. Когда он и она неспешно бредут рядом, крепко взявшись за руки, будто овеванные невесомым едва заметным ореолом, являясь одним неделимым целым. Он трепетно нашептывает ей стихи, а она, чувствуя рядом его горячее дыхание, весело улыбается в ответ. Теперь все иначе, совсем не так. Не хуже. Именно иначе, по-другому. Без головокружительной гонки, без ненужных слов, на уровне мимолетного, но понятного обоим ясного взгляда, без лишних эмоций. Не с ленцой, но медленно, неспешно. Не стремясь моментально поглотить, а растягивая удовольствие на долгие годы, ощущая иногда сладкое, а иногда с легким налетом горечи послевкусие. Покой без резких колебаний, плавное течение времени, словно течение реки на равнине, сменявшее стремительный горный поток. Тепло, ощущаемое всем телом, тепло, даримое от всего сердца. Кошачья мягкость отношений и мурлыканье рядом в подушку. Ради подобного чувства стоило и стоит жить. Такие ощущения нельзя передать словами, можно только пропустить через себя...

Смерть!

Старуха может подождать более удачного момента. Еще не время и не место! Он всегда встречал врага с открытым забралом, так не гоже пасовать и сейчас. Вся его жизнь – борьба, непрекращающиеся бои за удачу и успех, признание и благополучие. Собственное и своих близких. Никогда он не позволял себе положиться на повороты судьбы, никогда не отдавался на волю волн. Всего, чего удалось достичь и за что приходится расплачиваться сегодняшним утром, Борис Андреевич Штурмин достиг сам. Потом и кровью. До мяса сдирая ладони и зубами вгрызаясь в твердый гранит. Выходил, взлелеял не благодаря, а вопреки. Ему никогда и никто не покровительствовал, не протягивал руку помощи, не подталкивал снизу и не тянул вверх. Он все взял сам. Не отобрал у кого-то, а получил право взять и пользоваться, распоряжаться. Он и дорогая супруга. Без нее, без крепкого тыла не вышло бы жесткого и нестигаемого Бориса Андреевича Штурмина. На ее плечи лег тяжелейший груз терпения, бескорыст-

ной веры в его силы и его успех. Как там, в одном известном фильме: чтобы генеральшей стать, надо с молодым лейтенантом по гарнизонам помотаться! Она все снесла: и тяготы, и лишения. Стойко, как настоящий солдат.

И что же, теперь он позволит себе сдаться, отдать старания долгих лет без боя?

Ну, уж нет!

Не впервые он оказался под прицелом, бывало и хуже, и страшнее. Всегда выходил из любой передраги с честью и живой. А сейчас ему не за что оправдываться и просить прощения. Зато есть, ради кого жить!

...Холодные зеленые глаза, напрочь лишённые эмоций и чувств, внимательно следили за жертвой. Воздух, подобно высоковольтным проводам, казалось, гудел от напряжения. Ладонь, сжимавшая пистолет, вспотела, и указательный палец предательски соскальзывал со спускового крючка. Руки не дрожали, но это была иллюзия – нервное возбуждение достигло своего апогея.

Борис Андреевич Штурмин глядел прямо перед собой. Приняв окончательное решение, почувствовал облегчение. Срез пистолетного ствола больше не сковывал его движений, не парализовал волю. Только малахитовые глаза палача не сулили пощады. Для убийцы тоже все было решено: приговор окончательный и обжалованию не подлежит!

Смерть!

Конец всего сущего. Просто конец. Конец, не сулящий облегчения ни для одной из сторон. Не точка, а клякса в финале пьесы.

Сейчас, или никогда! На последнюю схватку может не хватить запала. Борис Андреевич медленно и уверенно поднялся на ноги, не сводя непреклонного взгляда с глаз оппонента, отметив, как качнулся в руке «Вальтер».

Ему не в чем было себя упрекнуть.

– Я всегда был с тобой предельно честен... Здесь не было никакого кидалова...

Разразившегося грома он не услышал, как не увидел и отскочившего назад затвора, выплунувшего дымящуюся гильзу. Понимание пришло мгновением раньше, когда в горящих зеленых глазах проскочила едва заметная желтая искра ненависти.

Смерть... Конец... Пустота...

Простите меня, если сможете...

Часть первая

На месте преступления

1.

Июньское солнце находилось в зените и нещадно жарило город, загоня людей в тень или, наоборот, выгоняя на песчаные пляжи, заставляя окунуться в чарующую прохладу морских вод. В полдень на берегу от отдыхающих уже яблоку некуда было упасть, бойко шла торговля мороженым и напитками; кафешки, в которых сонными мухами лениво вращались допотопные вентиляторы с широкими лопастями, а крыши для создания местного колорита были приправлены пальмовыми листьями, ломились от посетителей, холодное пенистое пиво лилось рекой. Коммивояжеры с лотками, доверху загруженными сувенирами – рыбками из гипса, ракушками на цепочке, магнитами на холодильник и т.п. – аккуратно переступали меж распластавшихся на полотенцах и лежаках недвижимых тел, мелких и крупных, бледно-белых, ярко-красных и шоколадно-коричневых, ловко избегая столкновения с разыгравшейся ребятней.

Ему давно уже не нравилось это время. Наверное, в силу возраста и профессиональной деятельности. Приток туристов на морское побережье ощущался с мая, сначала тонкой струйкой, затем все больше и шире, сильнее и громче, и вот уже в июне превращался в полноводную реку, несущую со всей страны деньги и отпускную расхлябанность со всеми выте-

кающими. Отдыхающие вдребезги разбивали тихое очарование Южноморска, нескончаемой суетой уничтожая его мирный уклад изнутри, в бешеном вихре смешивали день и ночь, до самой осени стирая границу между светом и мглой. Город превращался в огромный муравейник, подобный Москве или Петербургу, с пробками и столпотворениями, с очередями и беготней. И только аура южной обстоятельности и неторопливости не давала безумной энергии выплеснуться наружу, не позволяла разразиться большому взрыву, сметающему все на своем пути. От гремящей отовсюду музыки, криков, мигрирующих из конца в конец хмельных компаний, резких голосов выведенных из себя мамаш, детского ора нельзя было ни спрятаться, ни скрыться. Атмосфера успешного и благополучного, но, тем не менее, провинциального города нещадно втаптывалась в уличную пыль десятками тысяч подошв кроссовок, босоножек, мокасинов и резиновых шлепанец. Все скамейки в парке были заняты молодыми и не очень парами: обнимающимися, целующимися, разговаривающими и не разговаривающими, ссорящимися и находящими примирение.

Его раздражала излишняя суета и показная бравада. В мире все должно сосуществовать естественно и органично. Уже давно не хотелось кутить с друзьями до утра, а затем, быстро окунувшись в просыпающееся море, спешить на работу, где надлежало разбираться в перипетиях человеческих судеб. Все больше радости доставляли пешие прогулки тихими улицами или узкими аллеями парка под неспешное перешептывание листвы и отрывистое пение ветра. Возраст! Жизненный бег замедляется и переходит на шаг, уверенную и размеренную поступь.

А профессиональное чутье, даже не чутье, а простой житейский опыт напоминал, что из года в год повторяется одна и та же картина. С потоком отдыхающих, безудержно хлынувших на Черноморское побережье, пространство от Тамани до Адлера наводняют различные лиходеи-гастролеры, собравшиеся на курортный покос. Для них для всех лето год кормит. Незамысловатые гопники, делающие свой «бизнес» нахрапом на силе и испуге; вызывающие отвращение, на том и зарабатывающие попрошайки (организованные и неорганизованные); красивые и так себе, но обязательно неудовлетворенные, высокие и низкие, полные и худые жрицы свободной любви на любой вкус и кошелек и просто искательницы романтических приключений; разнокалиберные аферисты с изысканной фантазией и манерами; шустрые и не очень домушники; барсеточники, в основном работающие бригадой, крадущие оставленные безалаберным туристом или водителем сумки-барсетки да ценные вещи; осторожные и внимательные карманники; хорошо подготовленные кукольники и ломщики, умело кидающие доверчивого жадного лоха; и, несомненно, элита криминального мира – каталы и шулеры. Хотя сегодня грани между преступными профессиями стали весьма условны. Лет двадцать назад настоящий дока криминального мира, обладающий узкой специализацией и недюжим талантом, считался авторитетом и ни за что в жизни не позволил бы запятнаться чем-то неподобающим своего статуса, например, банальной «мокрухой». Фармазонщик мог быть только мошенником, шнифер – взломщиком сейфов, щипач – только карманником, а сегодня даже жалкий попрошайка («жалкий» – условность: чтоб хорошо зарабатывать в статусе нищего или инвалида, надо обладать неплохим уровнем актерского мастерства) или наперсточник может посадить терпилу «на перо» за три копейки в случае конфликта. Такой приезжий контингент не только ставит под угрозу безопасность и жизнь отдыхающих и горожан, но и сильно портит кровь местному ГУ МВД, показатели которого летят в таргарары. Свои-то жулики-бандиты местным правоохранителям более или менее известны, а залетных где и как искать? Начальство с пеной у рта орет о необходимости профилактики правонарушений, а что тут сделаешь, если большинство преступлений провоцирует сам пострадавший? Сначала на всеобщее обозрение лопатник развернет со всеми сбережениями, затем варезку разинет и глазами хлопает, будто говорит: «Берите, мне не жалко». А после слезы льет! К каждому туристу-то постового не приставишь.

Воровской чес продолжается до октября, и только с концом пляжного отдыха сходит на «нет». Тогда город успокаивается, и жизнь постепенно возвращается на круги своя.

Но сегодня все иначе. ЧП в краевой администрации внесло сумятицу в размеренную жизнь прибрежного мегаполиса, поставило «на уши» ментов, Следственное управление, прокуратуру и ФСБ, а так же местных чиновников различного ранга. Во всеобщей суматохе, близкой к панике, сомневаться не приходилось. Он пока не был на месте преступления, но прекрасно представлял, что звон от случившегося будет стоять еще долго, раз его слышали даже в столице. И последствия могут стать непредсказуемыми и необратимыми для любого представителя власти по всей вертикали.

Настроение испортилось окончательно. Ему так хотелось просто погулять по улицам некогда родного города, а не лететь по служебной надобности, просто бродить бульварами и переулками, скверами и садами. Без цели и особой необходимости, подобно несметному количеству отдыхающих. Здесь каждый двор и закоулок рождает в душе воспоминания, приятные и не очень, каждый аромат или дуновение ветра пробуждает картины детства и юности, зрелости, свершений и неудач, знакомств и разочарований. Все, что с ним случалось, происходило в этих краях, на этом берегу, в этих горах, в Южноморске! Жизнь была именно здесь, под приветливым южноморским солнцем, а последующий перевод в Москву и дальнейшие события – совсем не то, только послевкусие, оставшееся от активной деятельности. Он так надеялся провести свободную неделю в городе, где родился и вырос, где состоялся как личность, в гордом одиночестве, чтоб спокойно оценить бывшее, встретиться с оставшимися здесь друзьями, еще раз оглянуться в прошлое, но судьба распорядилась иначе. Именно судьба! Судьба позволила выкроить семь свободных дней из плотного рабочего графика, судьба забросила его в Южноморск, в котором он не был уже почти десять лет, и именно судьба нажала на спусковой крючок в первый же день после его прибытия из столицы. Выбор был предопределен заранее, так что утренний звонок от шефа явился лишь логическим завершением стройной цепочки событий.

– Василий Петрович, прости, что беспокою тебя во время отпуска, но вариантов других нет. Ты же в Южноморске как раз... В аппарате губернатора ЧП – огнестрел, покушение на убийство... Больше ничего пока неизвестно... Это же твоя епархия, твоя альма-матер, сделай милость, посмотри что и как... помоги разобраться... чтоб нам вовремя среагировать и потом дров не наломать. Регион, сам понимаешь, стратегический. Руку надо на пульсе держать...

Что здесь реагировать, когда убийство или покушение на убийство в высшем органе краевой власти уже произошло? Реагировать на сигналы раньше надо было, теперь же – тщательно разбираться, а затем выводы верные сделать. Не рубить с плеча, как зачастую принято в подобных ситуациях, а осторожно приоткрывать завесу тайны, услужливо морщась залезать в корзину с грязным бельем, не вороша его сильно, перебрать и лишнее сложить в сторонке, от чужих глаз подальше. То, что белья этого будет в избытке, сомневаться не приходилось. Любая чрезвычайная ситуация, связанная с государевыми людьми высокого ранга, рождает столько историй и сплетен, выявляет такое количество нарушений и злоупотреблений, что обывателю становится страшно. Общество взрывается от негодования. Конечно, наши люди уже не те, что в девяностые, активности значительно поубавилось, но власть по-прежнему не любит, когда ее исподнее выставляется напоказ. Здесь действовать надо с чрезвычайной деликатностью и осторожностью, чтоб концы с концами свести, и кого не надо дерьмом при разборе не забрызгать.

Осторожность и еще раз осторожность! Здесь юг, и менталитет южан стоит учитывать. Интересы различных кланов переплетаются в такую плотную паутину, что, неаккуратно зацепив одну ниточку, можно разбередить целый муравейник. Политика, бизнес, кровные узы связаны в тугой клубок, способный уничтожить любого. Тем более человека, позволившего сунуть свой нос куда не следует. У любого найдется скелет в шкафу, а кланы очень не любят раскрывать секреты посторонним.

Но хочешь-не-хочешь, а указание начальства надобно исполнять.

Упругой походкой немолодого, но энергичного человека Василий Петрович Леднев поднялся от Приморской набережной, где неспешно прогуливался, придаваясь воспоминаниям,

по улице Герцена мимо старого южноморского краеведческого музея, расположенного в бывшей усадьбе князей Нигальских, до пересечения с Трубной. Возле трамвайного депо пересек площадь Ипатьева, названную так в честь видного местного революционера, расстрелянного в тридцатые, а затем реабилитированного, вышел на Вечерний бульвар, по которому к морю стройными рядами тянулись отдыхающие, в основной своей массе расположившиеся в частном секторе. Свернул возле купеческих торговых рядов на улицу Свердлова, по ней пересек небольшую, но бурную речку Туношну, берущую свое начало высоко на заснеженных вершинах. Затем, сразу после моста, вошел в Ленинский сквер, порадовавший относительной тенью и прохладой, и через него уже быстро дошагал до памятника вождю мирового пролетариата, за спиной которого и расположилось здание администрации.

Владимир Ильич, как и в далекие советские годы, по-прежнему строго взирал на происходящее из-под угловатых бровей, стоя в распахнутом пальто на высоком гранитном постаменте. Лицо вождя было хмуро, взгляд сосредоточен: вряд ли ему сейчас нравилось происходящее в стране вообще и в Южноморске в частности.

Площадь перед зданием краевой администрации была оцеплена сотрудниками полиции, по периметру в окружении толпы вездесущих зевак стояли патрульные автомобили, ближе к центральному входу припарковались черные волги без специальной цветографической раскраски, по государственным номерам которых Василий Петрович без труда определил их принадлежность к местному главку МВД, СК, УФСБ и прокуратуре. Сотрудники в форме и «по гражданке» сновали туда-сюда, развернув бурную деятельность. Микроавтобусы с журналистами и телекамерами скромно стояли поодаль, решительно оттесненные в сторону. Операторам телеканалов безапелляционно запретили снимать и те понуро курили в сторонке, не решаясь лезть на рожон в споре с силовиками.

Что ж, вся королевская рать в сборе! Работа кипит.

Привычно нырнув под эластичную ленту, преграждавшую вход на площадь простым смертным, Василий Петрович шагнул на закрытую территорию, отданную во власть правоохранительным органам, подлетевшему к нему постовому сунул под нос «корочку» и не дожидаясь, когда тот сообразит, что помощнику депутата, в общем-то, здесь делать нечего, уверенно прошествовал мимо «эфэсбэшников», что-то обсуждавших по мобильному телефону, и легко взбежал по широкой лестнице к стеклянным дверям. Войдя в фойе, почувствовал легкое возбуждение, участившееся сердцебиение. Он точно видел себя со стороны, себя, вернувшегося на несколько лет назад, гончую, идущую на охоту. Дыхание участилось, и от избытка воздуха даже немного закружилась голова.

– Где?

Сержант, стоявший возле разблокированного турникета, – сотрудники неустанно сновали из здания и обратно – окинул взглядом представительного подтянутого мужчину с седой уставной стрижкой, безошибочно определив в нем руководителя высшего звена, несмотря на немного легкомысленные льняные брюки и рубаху свободного покроя, и указал рукой:

– Прямо по коридору, по лестнице на третий этаж, там направо...

Леднев молча кивнул. Да уж, судя по количеству подъехавших автомобилей, мимо не пройдешь! Толпа начальствующих лиц мешает плодотворной работе следственной бригады, затаптывая следы и создавая излишнюю нервозность. Да и он сам туда же... Не только к полиции, но и к Южноморску уже прямого отношения не имеет, а все равно притащился и сейчас внесет смуту в стройные ряды правоохранителей. Местным же руководителям, как и сотрудникам «на земле» его визит точно придется не по нраву: кого обрадует, когда в самый разгар следственных действий ревизор из Первопрестольной припрется? Что поделает, у него тоже есть начальство, которое настаивает на его непосредственном участии в расследовании. Нравится кому или нет, но придется пока поработать вместе.

Факт убийства уже не подлежит сомнению: другой причины для присутствия сотрудников различных министерств и ведомств в одном месте придумать сложно. В толпе за оцеплением рождались самые сказочные и невероятные слухи, так что опрашивать людей на улице он намеренно не стал, хотел, чтоб единственно верный взгляд на преступление сформировался на месте, да и нужды особой нет, раз можно получить информацию, что называется, «из первых уст».

Все же интересно: кто? Неужели самого губернатора прихлопнули? Подобные случаи в современной России, слава Богу, можно по пальцам пересчитать: чаще в ДТП и авиакатастрофах погибали, но чтоб от руки убийцы – резонанс федерального масштаба...

В коридоре и на лестнице он поймал на себе пару заинтересованных взглядов. Значит, его узнали. Старый опер вернулся!

На встречу вышел тучный мужчина в синей форме Следственного комитета и при полковничьих погонах, с лицом землистого оттенка и мешками, отягощающими маленькие поросычки глазки, нервно бегающие из стороны в сторону.

– День добрый, Илья Ильич...

– Какое уж там... – полковник юстиции устало махнул рукой, а затем пристально взглянул на Леднева.

– Ба! Кого я вижу! Только не говори, Василий Петрович, что тебя случайным ветром к нам занесло. Ни в жизнь не поверю!

Леднев развел руками: что поделать – служба! У тебя – своя, и у меня – своя.

– Еще труп остыть не успел, а из Москвы уже проверяющего прислали, – зам руководителя Следственного управления по Южноморскому краю Илья Ильич Панов, следак с внушительным стажем, пытался шутить, что в сложившейся ситуации выходило у него не очень. – Такое впечатление, что вам сверху виднее. Все знаете еще до того, как преступление совершено будет.

– Если бы, – Леднев тяжело вздохнул, прекрасно осознавая, какое давление со всех сторон начнется на следствие, как только первые факты станут достоянием общественности. – Может, по старой памяти введешь меня в курс дела?

История их взаимоотношений и вправду была стара, как мир. Сколько споров и конфликтов, сколько дел в совместной разработке, сколько водки выпито вместе за долгие годы сотрудничества – познакомились лет двадцать назад, когда Василий Леднев был старшим опером в розыске, а Илья Панов – начинающим следователем прокуратуры. Мальчишку сперва не хотели воспринимать в серьез и пытались за сигаретами посылать, пока он, несмотря на скепсис окружающих, не довел до суда практически бесперспективное дело по исчезновению пятнадцатилетней школьницы, доказав старым матерым волкам собственную профпригодность. Зверски убивший падчерицу и спрятавший в горах труп, отчим сел на пожизненное, а ведь едва не обвел вокруг пальца опытных оперов, первоначально считаясь потерпевшим по делу.

Теперь Илья Ильич и сам заматерел, прирос пузом и щеками, обрел болезненную отечность и потерял добрую половину волос в боях за соблюдение законности и межведомственных интригах. Глядя на незваного и непрошеного гостя в лице коллеги, тянул с ответом, оценивая ситуацию. Затем, приняв единственно верное решение, указал на соседнюю дверь свободного кабинета:

– Пойдем. Не в коридоре же нам с тобой общаться...

Не надеявшийся на теплый прием Леднев охотно согласился.

– Хвастать особо нечем, – в отсутствие хозяина кабинета Панов втиснул грузное тело в узкое чиновничье кожаное кресло, бросил выдавший виды портфель на стол и тускло сверкнул матовым циферблатом относительно недорогих, но добротных «Тиссот». – С этой минуты мы, как актеры на сцене – под пристальным взглядом зрителей и в жарком свете софитов, – в

подтверждение слов он ослабил ворот рубашки, смахнул со лба капли пота. – Если оступимся, сожрут с потрохами, не взирая на прежние заслуги. Ты ж знаешь, Петрович...

Василий Петрович знал. Не единожды приходилось вести оперативное сопровождение резонансных дел и всегда сталкивались с критикой, жалобами, нежеланием оказывать помощь и угрозой увольнения, а то и перспективой оказаться на нарах. Это футболисты могут играть, как хотят, проигрыш команды – проблема болельщиков, а мент – он всегда на острие ножа, всегда на грани, ноги еще по территории ходят, а голова уже на плахе лежит. На всякий случай. Они все одним миром мазаны: и менты, и следствие, и прокурорские, и фэбсы.

– Сам-то какими судьбами? – Панов тянул время, подсознательно не желая втягивать ревизора из столицы в дела местной епархии, хотя отдавал себе отчет, что Леднева за столом не удержишь, по баням с девками не поводишь – он все равно свой нос в самое говно сунет, запачкаться не побоится.

– Давай об этом позже. Вечером за рюмочкой чая посидим, покалякаем, а сейчас о сути...

Время утекало, а каждая минута бесценной была. Многие преступления по горячим следам раскрываются, если все правильно сделать, по науке себя вести, на мелочи внимание обращать, деталями не брезговать. А если сразу на след напасть не удастся, то здесь уж как Бог на душу положит: можно и никогда в жизни до конца не дойти. В одном сомневаться не приходилось: каждое дело, оно индивидуально, куда заведет – неведомо. Здесь прежний опыт – подспорье, но не панацея.

– И кто наш «счастливчик»? Из-за кого сыр-бор? Неужто сам генерал-губернатор?

Панов поморщился.

– Хуже. Советник. Наш непосредственный куратор. Борис Андреевич Штурмин координировал деятельность силовиков в крае, являлся связующим звеном между конкурирующими службами. Должность советника по взаимодействию с правоохранительными органами при губернаторе создавалась специально под него, подразумевалось, что он сможет объединить усилия силовиков в борьбе с преступностью, сделать деятельность правоохранительных органов максимально эффективной. Чтобы генералы не на себя одеяло тянули, а общее дело делали. И, надо сказать, с поставленной задачей справился на «отлично».

– Версии?

– Первоначально – профессиональная деятельность. Заказное убийство. Одна пуля в голову с близкого расстояния. Разнесло пол черепной коробки. Орудие преступления пока не обнаружено. На месте преступления найдена гильза калибра 9 мм, Браунинг.

Нахмутив брови, Леднев погладил пальцами переносицу.

– Заказное, говоришь? Какая-то ерунда получается, Илья Ильич: киллер оружие забрал, а гильзу оставил. Почему ствол на месте не сбросил?

Нисколько не смутившись, Илья Ильич высказал предположение:

– Оружие, это ж ниточка, Петрович. Предусмотрительный убийца лишних следов оставлять не будет – по стволу его вычислить могут: где изготовлен, где украден, где засветиться успел... А так, выбросил в Туношну – тут метров семьсот ходом до излучины – или в море утопил. И, в прямом смысле слова, концы в воду! Никто никогда в жизни найти не сумеет. Только по случайности.

– А гильза – не ниточка?

– Ниточка, – согласился Панов. – Она на оружие точно укажет, если его найдем. Но мож кто вспугнул киллера, а мож искать не стал или не нашел. Человека-то убить – не фунт изюма откусать. Перенервничал немного, ноги унести поспешил. Узнаем, только когда допросить сможем... Так что никаких несоответствий не вижу.

Задумчиво глядя на собеседника, Василий Петрович вынужден был согласиться с логичностью доводов. Копать, конечно, надо глубже, но основной останется версия с заказным характером преступления из-за ее очевидности. Если жизнь не подскажет иного.

– Дело в чем производстве будет?

Панов тяжело вздохнул, точно безмерный груз ответственности сдавливал легкие, и воздуха ему явно не хватало.

– В нашем и будет. Коршуны слетелись, – это он без стеснения про руководство ФСБ и прокуратуры, – но в сторонке стоят, с ноги на ногу переминаются, команды сверху ждут. Глазами по сторонам зыркают, но в работу не вмешиваются. Я вообще такого соблюдения законности сроду не видывал, все, как по написанному: единое руководство осмотром места происшествия возлагается на следователя. Остальные лица, в том числе, и начальство, обязаны обеспечить ему необходимое содействие, исходя из того, что он ответственный за результаты осмотра. Все обосрается бояться, потому в пекло не лезут. Убийство – компетенция Следственного управления, вот Следственный комитет и занимается. Оперативное сопровождение, как всегда, на розыске. Если результатов не будет, с нас и сдерут три шкуры: со следователя, с меня, и ментам на орехи достанется.

– А ты крайний? – Леднев усмехнулся. – А шеф где?

– А шефа, думаю, уже нагибают, – Панов сдернул галстук и в сердцах швырнул его на стол – в кабинете было невыносимо жарко, несмотря на открытое окно, за которым благоухала зеленая листва, и людской поток тек к морю. – Его вчера заслушивали в Москве с докладом о готовности к курортному сезону, о снижении количества тяжких преступлений в крае. Завтра должен был прилететь... – в голосе не было ни намек на сочувствие. – Теперь не знаю: такой подарок к выступлению «на ковре»... Я бы с радостью за его спиной отсиделся, а теперь – на передовой. Судьба!

– Выходит, с тебя и спрос, Илья Ильич...

– Выходит. – Согласился Панов, горестно добавив, – с понедельника должен был в отпуск идти, уже номер в отеле в Праге забронировал...

Василий Петрович похлопал коллегу по плечу:

– Не тужи. Готов с тобой участь разделить. Пойдем, поглядим: что там и как? Хочу лично осмотреть место происшествия.

Везде глаза на возвышавшегося над ним Леднева, зам руководителя Следственного управления залучился надеждой. Укрыться за спиной помощника депутата, представителя главы комитета Госдумы по безопасности, виделось делом куда более перспективным, чем прятаться за непосредственным начальником. Конечно, и здесь крайним могут сделать, но Леднев – мужик всегда правильный был, за просчеты от души драл, но своих не кидал и не подставлял никогда. Странно, что до таких высот на политическом олимпе вырос. Видно, и там ответственные люди нужны.

– Лицо-то ты, Петрович, неофициальное, – попробовал он аккуратно прощупать почву, оценивая возникающие риски.

– Зато визит официальный, – уверенно соврал Леднев, получивший только устное поручение от патрона и никаких подтвержденных полномочий. – Считаю, что лично Владимир Иванович присутствует на месте.

Удовлетворенный ответом, Панов охотно поднялся. Поделив ответственность на двоих, стало как-то легче дышать и двигаться.

– Пойдем. Труп советника уже вывезли, следственная группа работу заканчивает. Так что никому не помешаешь. С материалами дела ознакомишься, – заверил Илья Ильич, выходя за Ледневым в коридор.

В просторной приемной советника было полно народу. Но при видимой суете никто никому не мешал, занимаясь собственным делом. Едва окунувшись в атмосферу осмотра места происшествия, Василий Петрович испытал сладострастное возбуждение, уловив парящие в воздухе флюиды смерти, едва заметный запах пороха и зашкаливающий уровень адреналина. Многоголосием труб, гудело под потолком напряжение.

Опытный взгляд сразу определил двух оперов, одетых в гражданское. Этих Леднев узнал бы в любой ситуации и в любой обстановке: по цепким глазам, уверенным движениям, по ореолу ощущения собственной избранности, нимбом светящимся за головой. В милицеско-полицеской иерархии опера – особая каста, своего рода элита. По себе знал, сам такой же. Рядом с ними – подполковник полиции, скорее всего, из главка – внимательно слушал, задавал вопросы, обсуждал. За столом секретаря полный розовощекий эксперт убирал камеру в объемный кофр, бережно укладывая съемный объектив и делясь мнением с какой-то миниатюрной женщиной в строгом платье и с деловым лицом. В стороне сиротливо притулились понятия – их спутать нельзя ни с кем: любопытствующие, немного напуганные, спешащие по своим делам, но послушно ожидающие отмашки от следователя, когда им позволят разойтись. Капитан юстиции что-то терпеливо пытался им втолковать. На расставленных вдоль стены стульях для посетителей сидели две начальственного вида персоны, склонившиеся голова к голове и о чем-то спорящие.

Панов указал вперед, сквозь занятую работой группу сотрудников, туда, где за открытой дверью кабинета шла действительно кипучая деятельность. Туда, где билось истинное сердце осмотра места происшествия.

– Почему посторонние на месте? – грохнул за спиной зычный голос, смазывающий окончания и производящий резкие гортанные звуки. – Здесь – только члены следственной группы, Илья Ильич... Веремеев, по-твоему, тут проходной двор?! – это он представителю полиции, обеспечивающему отцепление.

Нисколько не сомневаясь в личности говорившего, Леднев обернулся навстречу направлявшемуся к ним могучей поступью черноволосому с проседью, чернобровому и гладко выбритому до синевы, плотно сбитому мужчине с тонкими губами и антрацитовыми горящими глазами. В его мощных и в то же время плавных и грациозных движениях пантеры было столько силы, что казалось остановить летящий на полном ходу товарняк куда проще. Окружающие на секунду застыли, почти физически ощущая, как штормовой ветер поднялся после штиля и свинцовая серая дождевая туча накрыла всех с головой.

Глава УФСБ Южноморского края не без основания считал себя ответственным за все происходящее на месте преступления, а руководство Пановым следственной бригадой – делом временным, сущей нелепицей. Ведь жертва – не жалкий обыватель и не рядовой бюрократ, а чиновник почти федерального масштаба! Здесь на кону – федеральная безопасность, интересы государства затронуты могут быть, так что юрисдикция ФСБ как нельзя кстати. Сейчас Следственный комитет первоначальный осмотр закончит и дело передаст, а если что – с подопечных Панова и спрос. Нормальные правила игры между ведомствами.

Леднев, нисколько не сомневаясь, что так оно и есть, представился, оценивая произведенный эффект. Но эффекта, как такового не последовало. Черные безжалостные глаза продолжали сверлить его до пят, не торопясь допускать в святая святых.

– А я-то думаю: уже полдень миновал, а Москва молчит, никак не реагирует. А они решили из центра вместо указаний сразу проверяющего прислать. Что ж, хитро, предусмотрительно. Не доверяют нам, значит...

– Заур Имранович, давайте займемся делом, а «любит-не-любит» оставим на «потом». – Василий Петрович не сильно надеялся на снисхождение, прекрасно наслышанный о несговорчивом характере начальника местного УФСБ.

Заур Имранович Хаджиев сверкнул глазами, но ничего не ответил. Чеченец по отцу и аварец по матери, он славился взрывной натурой и неуживчивым нравом. Боевой генерал, прошедший Афганистан и все возможные горячие точки перестроечного СССР, командовавший в первую чеченскую операциями спецназа ФСБ, его назначение на нынешнюю должность в свое время наделало много шума в кулуарах власти. Противники говорили, что происхождение, несомненно, даст зеленый свет мигрантам с Кавказа, вместе с которыми в край прорвутся и

террористы, и призывали к здравому смыслу. Сторонники убеждали, что человек с огромным бесценным опытом будет рулить Управлением железной рукой, отстаивая интересы федерального центра, а чеченские и дагестанские корни только помогут наладить работу с диаспорами, чтобы не пустить излишний поток переселенцев из республик Северного Кавказа, поставить заслон террору, и призывали к здравому смыслу.

Буркнув в ответ нечто не совсем вразумительное, Илья Ильич сквозняком проскользнул в кабинет, где было совершено преступление. Покачиваясь с мыска на пятку, сцепив руки за спиной и играя желваками, Хаджиев сухо и отрывисто бросил, точно выстрелил:

– Позже поговорим!

Резко развернулся на каблуках и вышел. Леднев, пожав плечами, двинулся вслед за Пановым.

– Вот, знакомься, Петрович, наш опытнейший следователь, Виталий Лосневский. – Илья Ильич указал на высокого мужчину «немного за тридцать», в джинсах и просторной хэбэшной рубашке, державшего в одной руке папку для бумаг, в другой – мобильный телефон. – Выдернули с выходного по случаю ЧП.

– Майор Лосневский, – кинув телефон в карман, следователь протянул руку для приветствия.

Опустив регалии, Леднев представился.

Был майор нездорово бледен и хмур, в движениях резок и холоден взглядом. Множеству ходоков на осмотре места происшествия не радовался, не скрывая своего отношения от окружающих. Такие люди камня за пазухой не держат и выше звания майора редко поднимаются, оставаясь вечным трудягой.

– Я осмотр закончил Илья Ильич, – доложил следователь, – улики мы описали, сейчас понятые протокол подпишут и здесь – все! С секретаршей побеседовать хочу, жду, когда доктор ее в чувства приведет. А остальных свидетелей опера опросят.

– А что с секретаршей? – заинтересовался Василий Петрович.

– Истерика, – мрачно заметил Панов. – Она труп советника обнаружила и в полицию сообщила. Когда группа прибыла, ни слова вытянуть не удалось. Рыдает в голос, орет дурниной. Пришлось медиков подключить. Обещали привести во вменяемое состояние. – И повернулся к Лосневскому, – Виталий, введи, пожалуйста, товарища в курс дела...

– Весь осмотр засняли на пленку... – начал следователь.

Расстегнув папку, он достал оттуда протокол осмотра, завизированный собственной подписью, и компакт-диск, параллельно рассказывая, что удалось установить.

Убийца, судя по всему, был один. Зашел в помещение и покинул его незамеченным. По предварительным данным, никаких следов своего пребывания на месте преступления не оставил, что может говорить о тщательной подготовке и высоком профессионализме. Пришел, нажал на курок, вышел. Советник даже не успел среагировать, чтобы постараться защитить себя. Звонок на пульт «02» поступил в 9:07, оперативно-следственная группа прибыла через десять минут. На месте присутствовала Вера Георгиевна Глonti – секретарь Бориса Штурмина, труп которого обнаружен в рабочем кабинете, в кресле за письменным столом. По данным экспертов, смерть наступила приблизительно в половине седьмого утра от огнестрельного ранения в голову. Постовой на входе сообщил, что в здание до приезда группы проходили только пять человек: сам погибший, уже названная Вера Глonti, уборщица и две сотрудницы канцелярии. Все, кроме секретарши, уже опрошены полицейскими. Время прохода, зафиксированное в электронном журнале – работники краевой администрации используют магнитные карточки для доступа на рабочее место, каждая карта имеет персональный код и автоматически отмечается в системе – после 8:00.

– Чудеса, – прокомментировал Леднев слова следователя, наблюдая на мониторе съемку с осмотра места происшествия, пропустив мимо ушей информацию о предполагаемом оружии, спросил. – По вашему мнению, погибший знал своего убийцу?

Вопрос не застал Лосневского врасплох, он уже и сам ни раз прикидывал возможное развитие событий и так, и эдак.

– Возможно. Хотя утверждать не могу. Киллер стоял вот здесь, – следователь обошел Т-образный рабочий стол, у основания которого сидел Леднев, заняв место слева. – То есть, войдя в кабинет, прошел порядка восьми метров, остановившись в паре шагов от жертвы. При этом Штурмин никак не среагировал, только поднялся с кресла. Не исключаю, чтобы поздороваться...

– В протоколе отмечено и на записи видно, что на столе стоит чашка...

– Да, вот здесь, – Лосневский указал рукой. – Кофе. Эксперты обнаружили на ней только пальцы жертвы. Никаких других отпечатков.

Продолжая развивать свою мысль, Леднев внимательно следил за следователем:

– Советник сидел на своем рабочем месте, почему бы ему не пить кофе там? Чашка же стоит возле убийцы, и на ней только отпечатки пальцев Штурмина. Ничего не приходит в голову?

Опустив глаза вниз, глядя на стол, Лосневский еще раз представил картину убийства, выискивая несоответствия. На этот злосчастный кофе он не обратил никакого внимания.

– Хотите сказать, что наш пострадавший сам встал, налил кофе и предложил его убийце?! – он хлопнул себя ладонью по лбу. – А кофе-машина стоит в приемной возле секретаря. Штурмин, по слухам, был весьма независимым. И подобная услужливость может говорить либо о высоком статусе гостя, либо о хорошем знакомстве.

– Вот-вот.

Предположительно заказной характер убийства и близкое знакомство жертвы с преступником поставили и Леднева, и Лосневского в тупик. Государственный чиновник и наемный убийца по определению не должны быть знакомы, их ничто не может связывать между собой. Но в российских реалиях здравый смысл далеко не всегда действует.

– А если это боевое прошлое? – Лосневский строил версии на ходу.

– Вместе служили?

– Ну, или пересекались...

Ледневу идея понравилась. В его практике уже случалось нечто подобное: в конце 80-х, первой половине 90-х, когда отшумел боями Афганистан, многие сослуживцы оказались по разные стороны баррикад. Ветераны, имевшие боевой опыт, не всегда находили себе применение в мирной жизни. Кому-то не хватало риска, адреналина, чувства крепкого дружеского плеча рядом. Время было сложное, переломное, и многим банально не на что было жить. Одни шли в милицию, другие пополняли ряды зарождающихся преступных группировок. И частые встречи недавних братьев по оружию в кабинетах уголовного розыска ни у кого не вызвали удивления.

Едва ли с тех пор что-то изменилось.

– Надо пробить архивы минобороны, сравнить с нашей картотекой, – окунувшись с головой в следственные мероприятия, Василий Петрович по закоренелой привычке отождествлял себя с сотрудниками органов. – Возможно, и найдется ниточка. Если это профессиональный киллер, то вряд ли здесь его первый выход, должен был ранее уже засветиться... Неужели он нигде не попал в поле зрения камер?

По дороге к кабинету советника губернатора он углядел несколько видеокамер в коридорах и на лестнице и пару – при входе в здание.

Лосневский поморщился:

– Не работает ни одна. Старое оборудование сняли, а новое еще не смонтировали: не успели. Говорят, в бюджете денег не было. Должны были закончить на этой неделе... Но через парадный вход он не проходил.

Это ли не злая гримаса судьбы? Понавешать всюду дорогостоящего оборудования и оставить все в нерабочем состоянии. Одно слово: РОССЕЯ!!!

– Другие входы в здание? – не мог же киллер прилететь на воздушном шаре.

– На окнах сигнализация включена, пока ключи на посту хранятся. Постовой утверждает, что отключений не было. Сам он не отлучался. Есть пожарные выходы, и один технический. Но все закрыты. С ними работаем.

– Чудеса, – протяжно повторился Леднев. – Может, лукавит наш постовой и до ветру все-таки бегал? А возможно, убийца затаился с вечера. Вчерашних посетителей и работников, думаю, еще не отработали?

– Не успели.

Это было плохо, но вполне предсказуемо. За прошедшую пятницу в здании побывала уйма народу, и работа предстояла нешуточная: выяснить, кто из них не отметился на выходе. Причины могут быть разные, но среди этих людей запросто может скрываться убийца.

– В котором часу советник пришел на работу?

– Без двенадцати шесть, – следователь сверился со своими записями. – То же подтвердил постовой. Штурмин вообще ранняя птица.

Робкий стук в дверь прервал их измышления. На пороге стоял худой мужчина с седыми усами и уставшими водяными глазами в синей форме фельдшера скорой помощи. Длинные пальцы цепко держали ручку дежурного чемоданчика. Его взгляд безошибочно остановился на Ледневе, определив в нем старшего и по статусу, и по званию, а значит, следователя.

– Виталий Евгеньевич? Женщину привели в чувство, она адекватно реагирует, можете беседовать... Если мы вам больше не нужны, то смею откланяться.

– Спасибо большое, – Виталий Лосневский направился в сторону двери. – Конечно, езжайте, – он благодарно пожал фельдшеру руку и повернулся к Ледневу. – Василий Петрович, насколько не сомневаюсь, что захотите принять участие в разговоре с секретарем Штурмина...

– Обязательно. – Леднев хищно улыбнулся, прекрасно понимая, что сейчас Вера Глонти для них самый ценный источник информации. – Вы не против, Виталий Евгеньевич?

– Только если не будете мешать.

Фельдшер, внимательно наблюдая за коротким диалогом между пожилым и молодым сотрудниками органов, сокрушенно покачал головой, досадуя, что так непростительно ошибся в личности следователя. Вздохнул, перехватил чемоданчик в другую руку и уставшей походкой, немного качаясь из стороны в сторону, побрел продолжать выполнять клятву Гиппократа.

2.

Вере Георгиевне Глонти недавно стукнуло тридцать пять, из которых почти семнадцать, т.е. весь свой трудовой стаж, она отработала в администрации: сначала в канцелярии на посылках, затем подай-принеси по имени «помощница» у разнокалиберных чиновников и вот теперь личным секретарем у Бориса Андреевича Штурмина. Честность, исполнительность и трудолюбие вкупе с непревзойденной производительностью превратили ее в яблоко раздора между советником и губернатором. Колобов неоднократно пытался забрать ценного сотрудника с неплохими внешними данными себе, а Штурмин активно сопротивлялся, поясняя, что без Верочки со всем объемом взваленных на него дел ни за что не справится. Была Вера обаятельной и скромной, с иссиня-черными волосами и медовыми теплыми глазами, с чувственными губами и кожей смуглого, золотисто-бронзового оттенка, в теле, но совсем не полная. С выпуклостями и округлостями, изгибами и плавными линиями в положенных женщине местах, с четко ощущаемой талией и небывалой статью. Некоторые сплетники, коих в любом коллективе

всегда найдется в достатке, поговаривали, что происходила Вера из старого сванского рода, проживавшего издревле на северо-западе Грузии: отсюда и красота почти неземная, и грация благородная.

Сейчас же на пергаментном лице с правильными чертами не осталось ни кровинки, безжизненные глаза, оттеняемые темными полукружиями, ввалились и высохли, щеки опали, и плечи согнулись точно под невыносимым грузом. Нижняя губа неровно подрагивала. Вся свойственная ей привлекательность, испугавшись увиденного недавно лика смерти, растаяла в одночасье, оставив болезненную бледность и морщины скорби.

От зрелища Леднева передернуло. Перед ним сидела согбенная старуха, человек, миготом проживший к своим еще лет тридцать или сорок жизни. Абсолютно сломленный, потерявший смысл существования. Она бы билась в истерике, и только введенное врачом «скорой» успокоительное удерживало от активного проявления чувств.

Не выдержав, Лосневский отвернулся к окну.

Вера, ссутулившись, сидела на стуле и вопросительно смотрела на двоих вошедших в кабинет мужчин, вяло теребя пальцами подол юбки. А они молчали, не зная, как начать разговор, чувствуя свою слабость перед всепоглощающим ужасом развернувшейся человеческой трагедии.

Представив следователя и умолчав о собственном участии в расследовании, Леднев назвал только имя-отчество.

– Мы знаем, что вам очень трудно сейчас говорить, Вера Георгиевна, но не могли бы вы рассказать, как все случилось? – говорил он медленно и тихо, даже немного вкрадчиво, опасаясь, что Вера замкнется в себе, и тогда из нее слова не вытянешь.

Она долго мерила их взглядом, переводя глаза от одного к другому, прежде чем произнести хоть слово. Затем все же разжала губы.

– От чего же? Я уже почти в порядке. – Ее тон был нейтрален – сказывалось действие успокаивающего – и речь замедлена. – Еще вчера Борис Андреевич просил меня выйти в субботу, чтобы помочь разобрать бумаги. Он с головой закопался в документах по проекту «Золотые ворота», а сроки, на сколько я знаю, поджимали. Проект вступает в активную стадию, нужны согласования...

– И часто вам приходится трудиться в выходные? – полюбопытствовал следователь.

– Да. Это нормальная практика. У нас ненормированный рабочий день. Иначе не успеть. Но Борис Андреевич всегда относился ко мне с пониманием. Не требовал невозможного. Сам-то работал с раннего утра и – часто – до глубокой ночи. А у меня ребенок. Он меня и отпускал, когда надо, и прийти позже иногда позволял. Сегодня собирался с шести работать, а мне сказал часам к десяти подходить.

– Как вы обнаружили труп? – при слове «труп» Вера вздрогнула.

Закатив глаза, она воскрешала в памяти страшную картину сегодняшнего утра. При этом ее нижняя губа заметно задрожала.

– Я прошла в здание... Ваня, – шепотом Лосневский пояснил, что это она про постового полицейского на входе, – сказал, что Штурмин уже давно работает, а я опаздываю... Он всегда надо мной подтрунивает... Поднялась на третий этаж, удивилась, что двери в приемную и в кабинет Бориса Андреевича открыты настежь – он обычно закрывается, чтобы ему не мешали ходки всякие – и зашла поздороваться. А там... – она замолчала, принявшись раскачиваться на стуле из стороны в сторону, и Леднев искренне пожалел, что они отпустили «скорую». Молчание длилось несколько минут, и все это время они испытывали на себе гнетущее воздействие тишины. – Штурмин сидел, откинувшись, в кресле. Вокруг все было в крови.

– Вы видели кого-нибудь?

Вера замотала головой.

– Нет. Никого не было.

– Куда-нибудь отлучались до приезда полиции?

– Нет... Да. Я испугалась. Побежала к Ване... Потом вернулась обратно: не могла поверить, что Борис Андреевич мертв.

– Вы что-либо трогали? К чему-то прикасались в кабинете? Может, что-то убрали или переложили автоматически?

Отвечая механически, Вера почти не выражала эмоций. Только красивые длинные пальцы теребили юбку, и дрожала обескровленная губа.

– Нет, я даже не заходила в кабинет. Так и стояла в дверях, оперевшись на стену. Не могла поверить... Мы же с ним вчера прощались, он улыбался. Он живой был! Понимаете?! Живой... – она хотела кричать, но не могла. Эмоции рвались наружу, но не находили выхода.

Дав Вере немного успокоится, Леднев задал следующий вопрос:

– Вы говорите, что Штурмин собирался прийти на работу к шести. Он ждал кого-то, может, хотел с кем-то встретиться?

Немного подумав, Вера ответила:

– Да нет. Он всегда приходил на работу рано. Вчера сказал, что за сегодня/завтра необходимо закрыть вопрос с «Золотыми воротами». Иначе головы не сносить.

– Он так и сказал, – поинтересовался Виталий Лосневский, – «не сносить головы»?

– Да. Имея в виду, что губернатор будет очень недоволен. – В отличие от следователя, она не видела ничего предосудительного в расхожей фразе. – Ведь «Золотые ворота» находятся под личным контролем Юрия Алексеевича.

Василий Петрович с Виталием переглянулись: они пока понятия не имели, что такое «Золотые ворота», которые настойчиво упоминала секретарь погибшего.

– Расскажите, пожалуйста, про «Золотые ворота», – попросил Леднев. – Какие согласования вы должны были подготовить к понедельнику?

– Разрешение на строительство. Разделение полномочий и зон ответственности. Проектную документацию. Не будет ли нанесен урон окружающей среде... Борис Андреевич всегда щепетильно относился к своим обязанностям. Никогда визу не поставит на документы, пока досконально не изучит все нюансы. Вчера экологи подготовили отчет о своем видении проекта – надо было ознакомиться... Здесь же цена ошибки или некомпетентности – миллионы! «Золотые ворота» – это огромная стройка. Не только по меркам Южноморска, но и, думаю, всей страны... Теперь, конечно, ничего не будет.

– Почему не будет?

– Растащат, – тихо пояснила Вера. – Разворуют. Без Бориса Андреевича ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Он же никому не давал ни копейки из проекта вынести, ни рубля не позволил кому-либо в карман положить.

Леднев насторожился. Лосневский превратился в слух. Это была первая, но ниточка. Возможный мотив.

– А были желающие? – спросил следователь.

– Они всегда есть, – безапелляционно заявила Вера. – Именно с ними Штурмин всегда неустанно боролся. Именно потому лично занимался «Золотыми воротами», хотя проект – совсем не его профиль.

– Вы кого-то подозреваете?

– А что здесь подозревать? Многие хотели бы поучаствовать. Поставщики, подрядчики, проектировщики. Каждый свой подход к Борису Андреевичу искал, мосты наводил. А Штурмин всех отсекал безжалостно, не взирая на лица. Уж кто только не обращался, кто только с рекомендациями не приходил... Но для всех ответ был один: на общих основаниях, через конкурсный отбор.

– За бизнес просили коллеги советника? Вы можете кого-нибудь назвать? Имена, фамилии, должности?

В ответ на прямой вопрос Вера только покачала головой.

– Вы же полиция, – сейчас для нее что полиция, что Следственный комитет, что прочие службы – все были едины, впрочем, как и для большинства граждан, плохо разбирающихся в разделении полномочий правоохранительных органов, – вам должно быть виднее. А то вы не знаете, кто взятки берет, кто бизнес «крышует»...

В ее словах сквозила ирония и явный укор. Крыть было нечем, и Леднев решил немного сменить русло, в котором текла беседа. Именно текла – несмотря на эмоции в душе и претензии к власти, допустившей, по ее мнению, смерть советника губернатора, Вера говорила медленно и размерено, точно находясь под гипнозом. Даже когда ей хотелось кричать, голос оставался бесцветным и безликим.

– Вера Георгиевна, скажите, а Штурмину последнее время никто не угрожал? Может, вы что-то слышали или видели...

Продолжая время от времени раскачиваться из стороны в сторону, женщина изобразила улыбку наоборот – изогнув уголки губ книзу, от чего напомнила присутствующим вечно плачущего Пьеро.

– На него покушались. В него стреляли недавно...

При упоминании про покушение, Лосневский поспешил взять инициативу в свои руки, объяснив Ледневу:

– Шумное дело было. Илья Ильич взял под собственный контроль... По счастливой случайности киллер промахнулся. Но нам быстро удалось выйти на след заказчика... К сожалению, он оказал сопротивление при задержании, и был убит.

– То есть, никакой подробной информации у нас нет? – уточнил Леднев.

В ответ Виталий пожал плечами.

– Почему? Там все ясно, как божий день. На кону стояли большие деньги, а советник не дал преступнику куш сорвать. Вот его и заказали.

Подождав, когда мужчины закончат обсуждение, Вера продолжила:

– Это была случайность... Вы не понимаете: Борис Андреевич – удивительный человек. Он умел ладить с людьми. Общаться с ним – настоящее наслаждение. Умный, начитанный, эрудированный. С хорошими манерами. Настоящий Мужчина с большой буквы. Настоящий Русский Офицер. У него не было врагов и не могло быть. Он всегда был честен со всеми, никогда не обманывал. А какие враги у честного человека?

Утверждение, казавшееся более чем спорным, комментировать никто не стал. Лосневский задал следующий вопрос:

– А какие-то конфликты на работе наверняка случались? – История с неудавшимся покушением была для него исчерпана, и он не собирался к ней возвращаться. – Мы же знаем, что всегда найдется тот, кто не доволен деятельностью начальника или чиновника.

– Я же говорю: вы не понимаете! Борис Андреевич обладал удивительным талантом находить общий язык со всеми. Вы знаете, насколько сложно работать с населением?.. А Штурмин, встречаясь с южнормцами, всенепременно находил поддержку. С теми же «Золотыми воротами» история была: горожане сначала протестовали. Боялись, что проект их интересы ущемит. Но Борис Андреевич долго обсуждал, вникал, и убедил-таки людей, что все будет хорошо. Личные гарантии давал, что и край выиграет, от того и горожанам прибыль будет. С собственниками земель и объектов, которые «Золотые ворота» задевают, тоже переговоры вел. И с ними сумел договориться, они на реализацию проекта свое добро дали все, как один. Штурмин на себя одеяло никогда не тянул, он чаяния людей видел.

Версия начинала обрастать деталями, которые делали ее все более очевидной. Если неизвестный пока следствию проект «Золотые ворота» должен был получить реализацию на не принадлежащих краевой администрации землях, то здесь наверняка мог возникнуть конфликт интересов, измеряемых суммами со многими нулями. А из-за денег в России убивают много

чаще, чем по политическим мотивам и даже из мести. Но акцентировать внимание на этом Леднев пока не спешил.

– Значит, в коллективе особых проблем вы не замечали?

– Нет.

– А в семье? Как у Штурмина в семье отношения складывались? Ведь не каждая женщина сможет терпеть, когда супруг изо дня в день на работе пропадает, а домой только иногда ночевать приходит. – Любой оперативник хорошо знает, какие сложности возникают из-за ненормированного рабочего дня, когда работа отнимает все мысли и время. Что называется, испытано на себе!

Ответила Вера, не задумываясь.

– Замечательные отношения были. Борис Андреевич в детях души не чаял. Образцовый семьянин: муж и отец. И супруга его любит очень. Не забывайте, она же офицерская жена – им через многое пройти пришлось, о чем другие и представления не имеют.

– И что, ни ссор, ни споров никогда не случалось?

Вера пожала плечами.

– А вы много семей знаете, в которых ссор не бывает?.. Ни за что в жизни не поверю, что такие встречаются, кто бы что ни говорил. Конечно, ругались... Я хорошо знаю. Сначала Елена Николаевна Штурмина на меня с подозрением смотрела, боялась, что у Бориса Андреевича со мной шашни завязаться могут – мы ведь вместе куда больше времени проводим. А затем сдружились даже... Праздники совместно отмечали. Мой Ромка почти ровесник младшей дочери Штурминых... Ругались они, это бывало. Борис Андреевич человек выдержанный, а Елена Николаевна – эмоциональная, импульсивная. Она взрывается, только спичку поднеси. Но поженски, я ее понимаю: всегда одна, детей растит без помощи почти. Единственная отдушина – муж, да и тот все время отсутствует.

– Потому и ругались?

– В основном, да. Елена Николаевна – и домохозяйка, и нянька. Со временем для женщины это большой проблемой становится. Потому и расстраивалась часто. Но с Борисом Андреевичем они две части единого целого всегда были, душа в душу жили. Ценили отношения свои. У них темпераменты разные, потому дополняли друг друга прекрасно... Последняя ссора при мне произошла. Прямо в кабинете. Они долго поездку планировали, время подбирали, наконец, в Турцию билеты купили: Штурмин давно обещал супругу на лыжах научить кататься. Я сама отель им бронировала... Так в самый последний момент Борис Андреевич вынужден был отказаться, так как по «Золотым воротам» переговоры затянулись. А Елена Николаевна несколько лет ждала момента, когда из дома вырваться получится... Вот и сорвалась...

– А почему в Турцию, а не в России? – спросил следователь.

– Потому что! – отрубил Вера, не повышая голоса. – Там сервис получше, чем у нас. Да и Елена Николаевна настаивала – здесь Штурмину отдохнуть не дал бы никто: личность известная: и в отеле бы достали при необходимости, и на работу бы выдернули все равно. А между Турцией и Россией – море и государственная граница. Психологически дальше кажется, и что греха таить – всегда можно сослаться, что билетов на самолет не было... Но видите, ничего не вышло...

– И то верно, – согласился Леднев. – А при последней ссоре супругов Штурминых вам в глаза ничего не бросилось?

– Ничего. Никто никого убить не грозился. Обычное дело: супруги повздорили. На Руси всегда говорили: милые бранятся – только тешатся...

– Угу, – не удержался Лосневский, – а еще: бьет, значит любит!

Леднев смерил коллегу недобрым взглядом, а Вера не придавала словам никакого значения, только отметила:

– Они и любили друг друга беззаветно. Штурмин никогда не позволял себе не то, что руку на женщину поднять, голоса не повышал. Если уж срывался, то что-то из ряда вон выходящее должно было случиться. А такого почти не бывало... Кстати, после ссоры из кабинета они под руку вышли. Помирились сразу же.

– А почему, вы говорите, по «Золотым воротам» переговоры забуксовали? – следователь вернулся к версии, которую считал знаковой.

– Я и не говорю, – отмахнулась Вера. – Там проблемы какие-то возникли: то ли с регистрационными документами какими-то, то ли задержки с финансированием – Штурмин меня не посвящал досконально, а я излишним любопытством не страдаю.

Лосневский что-то пробубнил в ответ, явно недовольный полученной информацией.

– При вашей работе – весьма похвальное качество, – улыбнулся Леднев, но его реверанс остался незамеченным. – Скажите, Вера Георгиевна, должно быть, при такой деятельности и огромном обаянии у советника отбоя не было от женского пола?

Ему показалось, что глаза женщины потемнели, став цвета каштанового меда, и в них просквозила горечь.

– Борис Андреевич никогда не страдал от отсутствия внимания со стороны женского пола. Это правда. Но никогда, простите, не волочился за каждой юбкой. Я думала, что таких мужчин не существует в природе, – она запнулась, но затем продолжила. – От меня самой муж ушел к другой... Но оказывается, еще встречаются. Они, как динозавры, вымирающий вид. Один на тысячу, или даже на миллион. – Ее голос дрогнул, но наполнился нежностью, которой раньше не было. – Он очень обходителен был с противоположным полом, всегда внимателен, при встрече улыбался и спрашивал, как дела. Не для проформы, а действительно интересовался. Разговор мог поддержать на любую тему... Вокруг него всегда было много женщин. И почти все в него были влюблены, – уловив ухмылку на лице следователя, она добавила. – Далеко не каждый может понять, о чем я говорю. Его любили, но не так, как вы себе представляете, а в самом хорошем смысле этого слова. Штурмин очень светлый был, дружелюбный, несмотря на занимаемый пост и всю грязь, в которой надлежало разбираться. Его нельзя было не любить: и молодые, и женщины в возрасте... Это чувство сродни тому, какое рождается у малыша: он ничего не хочет взамен, просто любит. Поверьте, такое случается.

Виталию стоило больших усилий, чтобы стыдливо не опустить глаза перед укором Веры Глонти. Столько силы, любви и скорби слышалось в ее словах.

– А вы как относились к советнику? – поинтересовался Леднев. – Вы же работали со Штурминым с самого начала?

– Да, – воспоминания об уже бывшем шефе возвращали ее к жизни. – У Бориса Андреевича не было в Южноморске другого секретаря кроме меня... Но если вы о личном... – Она вдруг перестала раскачиваться и выпрямила спину, с вызовом взглянув на Леднева с Лосневским, и голос ее, не став громче, обрел тем не менее твердость. – Я никогда не была в его постели и не испытывала домогательств с его стороны. Хотя признаюсь, как и многие, была в него влюблена. Это чувство платоническое, без притязаний. И Борис Андреевич никогда не давал повода ни мне, ни кому другому. Просто пообщавшись с ним, понимаешь, что такое настоящий Мужчина, что такое Крепкое мужское плечо. Заряжаешься его мощнейшей энергетикой... А он всегда любил свою жену. И мы вдвойне уважали его за это.

– Скажите, – Лосневский кинул взгляд на Леднева, точно ища немого согласия, – при таком большом количестве поклонниц мог ли кто-то из них желать смерти Штурмина?

Ответила Вера не сразу, долго взвешивая ответ, понимая, что от ее слова зависит возможность поимки убийцы.

– Не думаю. Чтобы возжелать лишить человека жизни, надо иметь веские причины. Затаить обиду. – Теперь она сидела ровно, но пальцы продолжали теребить уже не подол юбки, а

тонкий золотой браслет, снятый с запястья. – А Борис Андреевич не мог никого обидеть, в любой ситуации оставался предельно тактичным...

Разговор с секретаршей погибшего не проливал свет на сегодняшнее ЧП. Конечно, Леднев и не надеялся, что она назовет следствию имя потенциального убийцы, но верил, что удастся нащупать какие-то точки преткновения. Пока же он «стрелял» наугад.

– Вера Георгиевна, в силу занимаемой должности вы проводили с советником времени больше, чем кто-либо другой. Постарайтесь припомнить, может, в последнее время что-то происходило со Штурминым? – он замолчал, позволив осознать важнейшую роль, которую отводит ей следствие. – Возможные перепады настроения, необоснованное возбуждение? Какие-то незнакомые лица в его окружении, непонятные звонки? – Василий Петрович подался вперед, интонации его вновь приобрели доверительные нотки. – Если что-то действительно происходило вокруг советника, вы должны были это видеть. Должны были почувствовать. Вера, помогите нам найти убийцу Штурмина! – последние слова прозвучали как призыв к действию.

Вера вздрогнула и насупилась. Ее пальцы остановились, выронив браслет на пол, но она даже бровью не повела, погруженная в собственные мысли. Как бы ей хотелось покарать убийцу, найти негодяя, лишившего Южноморский край самого светлого и дорогого, отобравшего жизнь у верного друга, любящего мужа, заботливого отца...

– Нет, – она замотала головой. – Ничего особенного. Борис Андреевич последние полгода был хмур, может быть чуть больше, чем обычно, но я связываю это с его плотным графиком. Он не успевал отдыхать, ему некогда было спать. А с определенного времени, скажу честно, – Вера и без того говорила тихо, а сейчас еще более понизила голос, заставив прислушаться, – губернатор стал часть своих обязанностей и вопросов, при решении которых возникали трудности, взваливать на Штурмина. А Борис Андреевич, по натуре человек безотказный, терпеливо тянул воз всех дел на себе!.. А когда еще за эти злосчастные «Золотые ворота» взялся, – она махнула рукой, – совсем сна лишился. Последние полгода дались ему нелегко, подорвали здоровье. Он и правда стал раздражительным, взрывным... Но я связываю изменения в поведении Бориса Андреевича исключительно со сложностью проекта.

Разговор вновь и вновь возвращался к теме «Золотых ворот», и ни Лосневский, ни Леднев не могли этого не заметить. Проект маячил перед ними, как бельмо на глазу, точно кричал в голос: это я! Это я!

– Почему именно Штурмин вел проект? Ведь в администрации он курировал контакты с правоохранительными органами?

– Губернатор приказал, – коротко ответила Вера. – Колобов настоял, чтобы именно Борис Андреевич курировал все «от» и «до». «Золотые ворота» – это стройка. Стройка – это инвестиции. А где большие инвестиции, там воровство.

– Бесспорно, – согласился Виталий Лосневский. – И где большие деньги, там убивают, – из его уст прозвучало, как приговор.

Постучав по столешнице зажатой между пальцами шариковой ручкой, Леднев произнес:

– С этой точки зрения выбор губернатора не кажется таким уж удивительным. Судя по тому, что я уже слышал о личности советника, ему было по силам удержать любую кубышку от расхищения. Будь то краевой бюджет или коммерческий проект.

– Нет же! – воспротивилась Вера. – Я не верю, что его могли убить за участие в проекте. Борис Андреевич все силы и душу вкладывал в его реализацию, буквально болел за дело. Только вчера называл «Золотые ворота» своим детищем...

– История знает моменты, когда родители погибали от руки собственных детей, – философски отметил Виталий.

– Спасибо большое, Вера Георгиевна, за вашу помощь, – Леднев жестом дал понять следователю, что считает необходимым прервать разговор с Верой Глонти. – Думаю, вам стоит

отдохнуть немного. Но если появятся вопросы, мы вам позвоним, хорошо? Либо я, либо Виталий Евгеньевич...

Вера рассеяно кивнула, и на ее глазах навернулись слезы. Успокаивающее переставало действовать, уступая место вновь разгорающимся эмоциям.

Лосневский подошел к ней и положил на стол визитку.

– Если вдруг что-то вспомните, наберите мне. В любое время.

Последняя фраза секретарши советника догнала их уже в дверях, заставив обоих обернуться. Было в двух словах столько злобы, мольбы, экспрессии, что их не могла произнести женщина, пребывавшая в глубоком унынии. Слова хлестко ударили пространство, эхом отразились от стен, вдребезги разбив гнетущую тишину.

– Найдите его!

3

Требовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и определить приоритеты. Как всегда, в самом начале следствия вопросов было больше, чем ответов. И как водится, свидетели не торопились прояснить ситуацию. Ощущение, что находишься перед высокой стеной с закрытой дверью, не покидало Леднева. Он тщетно старается подобрать ключ к замку, основываясь только на собственных ощущениях. Он один. Ни следователь Лосневский, ни Илья Ильич Панов – не в счет. Он единственный из всех следственных органов заинтересован в реальном раскрытии преступления, выявлении настоящего мотива и поимке преступника. Остальные – часть системы правоохранительных органов и вынуждены подстраиваться под нее. Сегодня они – конъюнктурщики. Система требует результата в кратчайшие сроки, система должна покарать преступника. Не того, кто убил, а того, кого назначат виновным, уложившись в установленные временные рамки. И бороться с системой нельзя – она задавит любого, вставшего на ее пути.

С ним же ситуация иная. Его патрону нужен реальный расклад, истинный заказчик преступления. И Леднев не загнан в жесткие тиски времени. Раньше он мог только мечтать о подобном: ему предоставлен карт-бланш.

Он повернулся к Виталию Лосневскому, заканчивающему, наконец, оформлять протокол изъятых вещдоков.

– Ты с губернатором беседовал?

В ответ следователь гневно сверкнул глазами:

– Пытался. Был послан по матери. – От дальнейшего проявления эмоций он предусмотрительно воздержался.

Дело ясное: официальный представитель Следственного управления и глава края – птицы разного полета, прямые, которые как не изгибай, никогда не пересекутся. Губернатор еще и за публичное оскорбление сочтет, если следователь отважится его на беседу пригласить. Ситуацию мог бы помочь разрешить Илья Ильич, но тот пока предпочел в стороне постоять, поглядеть, чья чаша весов перевесит...

Леднев уверенно вошел в кабинет, не предваряя свой визит стуком в дверь. Он – сыщик, который идет по следу. Главнее сыщика при осмотре места преступления – только следователь, но если следователю дали от ворот поворот, то его никто остановить не сможет. Только пуля.

При мысли о пуле Василий Петрович поежился. В мозгу сама собой всплыла картина с кровавым пятном за креслом советника, с вырубленным из стены и взятым на экспертизу куском материала, в котором она застряла.

Губернатор окинул вошедшего недобрым взглядом, продолжая собирать бумаги со стола в новенький, с иголки кожаный портфель с золотыми пряжками.

– Я сказал: мне некогда! – тон не предполагал никаких препирательств. – Устроили здесь балаган. Работать невозможно!

– Боюсь, вы немного не по адресу, Юрий Алексеевич, – Леднев извлек из кармана корочку помощника депутата. – Я, так сказать, приданные силы. Помогаю следствию разобраться в ситуации.

Юрий Алексеевич Колобов губернаторствовал не первый год, имел четверть века политического стажа, визитеров в своем кабинете видывал разных и никому не позволял диктовать условия. Так что сомнительная должность советника какого-то депутата – он не разглядел кого именно – его нисколько не вдохновила. Таких самонадеянных и самодовольных давить надо на корню, пока голову не подняли от безнаказанности.

– Выйдите за дверь! У меня через полчаса деловая встреча. Некогда терять время на мелочи.

Удобно расположившись в кресле напротив, Леднев не на шутку удивился:

– Убийство на рабочем месте высокопоставленного члена краевой администрации – это мелочь?! Что же тогда, по вашему мнению, чрезвычайное происшествие? Сядьте и уделите мне пятнадцать минут! Ничего страшного, если вас, Юрий Алексеевич, немного подождут.

Колобову показалось, что на него вылили ушат ледяной воды. Подобным тоном с губернатором никто и никогда не разговаривал. Чиновники администрации Президента – не в счет. Дыхание перехватило, кровь отлила от лица, сделав его бледно-серым, похожим на пергаментный лист армянского лаваша. Пораженный, он истуканом застыл на месте, но быстро нашелся, чтобы постараться восстановить статус-кво:

– Как вы говорите... Василий Петрович? На сколько я понимаю, вы – лицо неофициальное, скорее даже постороннее на месте происшествия. Ваше присутствие вызывает большие вопросы к следственным органам, и мы это обязательно обсудим с соответствующими руководителями. А сейчас попрошу освободить помещение! – его рука безапелляционно указала на дверь. – Будут официальные полномочия – милости просим...

Ни один мускул не дрогнул на лице Леднева, и только вздущаяся жилка на шее говорила о его бешенстве. Не собираясь сдавать позиций, он всем своим видом демонстрировал, что чувствует себя в кабинете губернатора вольготно и уходить никуда не торопится.

– Мне не интересно препираться с вами, Юрий Алексеевич, – в противовес губернатору он снизил тон и говорил почти шепотом. – Я здесь по прямому указанию Владимира Ивановича Васнецова. Ва-сне-цо-ва, – фамилия шефа была произнесена по слогам для пущей убедительности. – И если вам необходимо официальное подтверждение моих полномочий, поверьте, оно обязательно будет. Вместе с объединенной комиссией Следственного комитета и ФСБ. С официальными заявлениями по центральным телеканалам. С выемкой необходимой документации... И когда доклад о результатах работы комиссии попадет в администрацию Президента – вот тогда начнется сущий ад для всего руководства Южноморского края и для вас лично. Происходящее сегодня покажется раем...

Услышав упоминание про рай и ад, а пуще того – фамилию руководителя думской комиссии по безопасности, Колобов понял, что своим поведением безответственно пилит сук, на котором сидит со всеми удобствами. Что там в действительности произошло со Штурминым – не ведомо, но совершенно точно, что никто не заинтересован в придании огласке этого дела. Несмотря на близкую к кристальной честность советника, проверяющие наверняка раскопают что-нибудь нелицеприятное, ухватятся за эти факты и начнут трясти ими на каждом углу. Если же все пройдет тихо, то со временем можно будет договориться, сгладить острые углы, решить скользкие вопросы. ЧП забудется, и жизнь войдет в прежнее русло. Публичность же погубит всех, породит такую волну, которая камня на камне не оставит: и в крае, и за его пределами. И как только вся пена поднимется на поверхность, станет достоянием гласности, его, Колобова, по голове не погладят. Тогда никто не вспомнит прежних заслуг, не оценит, что после развала девяностых буквально поднял Южноморск с колен, возродил хозяйство, создал образцово-показательный край в ЮФО.

Хорошо, если просто снимут, а не возбудят уголовное дело под каким-нибудь благовидным предлогом. Подобные прецеденты уже случались.

Он отставил портфель в сторону и опустился на кресло, положив сцепленные в замок руки на стол.

– Я так понимаю, речь пойдет о советнике?

– Без сомнения. Расскажите о его профессиональной деятельности.

Юрий Алексеевич задумчиво пожевал мясистую губу, стараясь определиться, с чего начать. И начал с того, о чем его совсем не спрашивали.

– Борис Андреевич удивительный человек был. Не современный. Из другой эпохи. Сами понимаете, офицеры бывшими не бывают. Вот он и сочетал в себе врожденное чувство справедливости, честность и порядочность. Именно такими советская пропаганда рисовала героев-военных и передовиков производства. Он точно с агитплаката к нам сошел: статный, сильный, уверенный в правоте своего дела. Знаете, «гвозди бы делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей!» – процитировал Колобов известные строки Николая Тихонова, сокрушенно качая головой. – Нет, таких сейчас не делают. Такие люди не рождаются нынче. Измельчал народ... Железной воли человек был, с открытой душой. Мы многое потеряли с его смертью. Почти все потеряли, что пестовали долгие годы подряд.

– А конкретнее?

– Я расскажу сначала, – Колобов, испрашивая одобрения, воззрился на Леднева, – мне проще будет, а вам, думаю, понятнее.

Василий Петрович кончиками пальцев потер переносицу.

– Что ж, давайте...

Прежде чем предаться воспоминаниям, губернатор помялся немного, бросил взгляд на настенные часы, вздохнул и, налив из стоящего на столе хрустального графина полстакана воды, жадно выпил в три глотка. Нервно облизал языком влажные губы. Явно прикидывал, только ли правду говорить или приукрасить каким-либо соусом. А то и вовсе отмолчаться по некоторым аспектам.

– Мы с Борисом Андреевичем знакомы ранее не были. Впервые встретились в кабинете полпреда Президента. Я уже знал о предстоящем назначении губернатором, а Штурмин, как он любил говорить, «повесил форму на гвоздь», только что закончив Академию государственной службы. В крае мне бывать ранее не доводилось, для местных я – чужак, ставленник Москвы, родился и вырос на Урале, а Борис – не южноморец, но почти свой, представитель донского казачества. Его первоначальная задача была, так сказать, уравновесить влияние федеральной власти в моем лице, чтобы чрезмерно не раздражать Южноморское чиновничество, бизнес и иже с ними. Сами понимаете, рядом Кавказ с отголосками войны, горцы непокорные, свободолюбивые казаки, переплетенные в гордиев узел давние взаимные претензии, море незарегистрированного оружия, транспортные и финансовые потоки. Регион, начиная с девяностых годов, не вылезал из бандитских разборок. Ситуация сложилась непредсказуемая, криминал самым бесстыдным образом рвался во власть. Народ устал от дележа и хотел стабильности, людям необходимо было вселить уверенность в безопасном существовании, им требовались гарантии.

Леднев, прекрасно зная криминальную историю Южноморска и окрестностей, не нуждался в дополнительном описании событий, в которых был не только свидетелем, но и активным участником, стоя на переднем крае борьбы с преступностью. Лично задерживал авторитетов, лично допрашивал... случалось, сам же по жесткому указанию сверху выпускал, расписываясь в собственном бессилии.

– То есть вы явились эдаким мессией для всех обездоленных и обделенных?

Губернатор и глазом не моргнул, оставив иронию без ответа.

– Иногда мне кажется, что никто не ожидал от нас, что мы справимся. Я – хозяйственник. Имею опыт политической борьбы, но, прежде всего, остаюсь хозяйственником. Так что на Штурмина лег весь груз решения проблем с криминогенной обстановкой в крае. Его должность – советника по взаимодействию с правоохранительными органами – как нельзя лучше обозначила зону ответственности. И весь предыдущий послужной список Бориса Андреевича являлся указанием на чрезвычайно жесткий стиль управления и достижения поставленных задач. Тогда за край сражались многие. Политические оппоненты и все те, кто находился в правовом поле, стали моей прерогативой, остальные, кто вне закона – его. От него требовалось добиться повиновения от одних и устроить других. Показать всю мощь действующей власти!

– И в средствах он не был ограничен?

Недовольно крикнув, Юрий Алексеевич изобразил подобие кислой гримасы.

– Как сказать... Мы вынуждены были действовать в рамках закона, тогда как бандиты особо не церемонились. Через месяц после назначения Штурмин обнаружил возле двери своей квартиры растяжку. Хорошо, что благоразумно не перевез еще семью в Южноморск. Сам же ее и обезвредил, не дожидаясь саперов. Дом – многоквартирный, мало ли что. Но случившееся его сильно разозлило.

– И каковы были последствия?

– Борис быстро нашел контакт с силовиками. Как-никак сам столько лет погони носил... А последствия оказались очень тяжелыми. Ведь преступники объявили нам войну. Не только Штурмину или Колобову, а всей вертикали власти, показали, что готовы расправиться с любым, кто встанет у бандитов на пути. В тот же день Борис созвал оперативное совещание, поставил «на уши» силовиков. Но местным не очень доверял, потому для решительных действий привлек силы из центра. В кратчайшие сроки по всему краю прошли спецоперации с обысками и арестами. Согласованными действиями соседи помогли на своих территориях задержать нескольких видных членов преступных сообществ. И в течение полугода все крупные южноморские группировки оказались обезглавлены и раздроблены. – Колобов перевел дух, точно ожидая похвалы за проделанную работу.

Но Леднев молчал, не торопясь аплодировать. Ему хорошо было известно, что так гладко звучит развитие событий в устах докладчика, но не на самом деле. Победа над действующими влиятельными преступными группировками – еще не победа вовсе, а только начало тернистого пути. Ведь свято место пусто не бывает, и освободившийся объем, в котором находился один, обязательно захотят занять трое. Это первый шаг к кровопролитной криминальной войне, и не допустить ее – вот важнейшая задача правоохранительных органов.

– Советнику своей работой удалось вычистить авгиевы конюшни, удалось наладить отношения между ведомствами. А то ведь у нас, как у Райкина, помните: «К пуговицам претензии есть? Нет. Пришиты намертво!» – а костюм носить нельзя. Каждый работу свою делает, а контакта, взаимодействия между силовыми структурами нет никакого. Жили по принципу: моя хата с краю, я ничего не знаю. А он выстроил систему в целом, а не только отдельные элементы правоохранительной машины. После разгрома преступных сообществ организованный им механизм помог удержать ситуацию от дестабилизации, сохранить шаткое равновесие. Штурмин смог взять регион под контроль. Ему удалось внушить страх преступникам, снискать уважение коллег. Раньше его никто не знал, его имя не вызывало в обществе никаких эмоций. Теперь его любят и почитают.

– Да уж, – не удержался Леднев от выражения эмоций, памятуя, что в администрации все сегодня крутится именно вокруг трупа советника. – Каков он был в работе? Я имею ввиду характер, стиль управления.

– Борис из той породы людей, чьи слова не расходятся с делом ни при каких обстоятельствах. Он исполнительный, трудоголик до мозга костей, не сомневающийся при принятии решений, но при всем не замаранный в интригах. Что в наше время, согласитесь, редкость.

Несмотря на внешнюю неприступность, даже холодность, всегда покровительствовал слабым, уважал сильных, безжалостно уничтожал тех, кто взял на себя слишком многое. И не взирая на всяческие заслуги, чурался публичности.

– То есть врагов-то у него хватало, – сделал вывод Леднев из пространного описания губернатора.

– Да как сказать, – Колобов замялся, плеснув себе в стакан еще немного воды, – активная фаза противостояния закончилась уже давно. Сколько лет прошло! Если конечно считать, что месть – это блюдо, которое подают холодным, то «да». Штурмин многим отъявленным преступникам крови попортил, но большинство из них сидит, на сколько я понимаю.

– А оставшиеся на свободе?

Губернатор неопределенно дернул головой.

– Не скажу точно. Поинтересуйтесь в полиции, им виднее.

Леднев, кивнул, согласившись с замечанием.

– А сейчас в крае никакого конфликта интересов не было?

– Конфликты всегда случаются, когда на таком уровне вопросы решаются, – философски заметил Юрий Алексеевич, – ведь не учтешь интересы всех желающих. Но чтобы из-за этого стрелять?.. Пожалуй, нет. Южноморский край сегодня – один из самых стабильных регионов в стране, и по уровню преступности, и по сбалансированности бюджета, и по социальному положению. Мы даже в сфере ЖКХ смогли навести порядок, сделав ее практически полностью прозрачной. К тому же ни один чиновник в администрации не имеет значительных полномочий, все глобальные решения принимаются коллегиально. Для этого созданы многочисленные комитеты, подкомитеты, комиссии. И люди в них тщательно перетасованы, чтобы иметь как можно меньше связей между собой, ограничить влияние, исключить личную выгоду. Кстати, инициатором создания подобной системы управления явился именно Борис Андреевич. Он не боялся, как сейчас модно говорить, креатива, не боялся применять нетривиальный подход к делу.

Делая пометки в блокноте, Леднев уточнил:

– То есть в круг его обязанностей входили не только контакты с правоохранительными органами?

Губернатор махнул рукой в его сторону, немного обескураженный вопросом:

– Конечно, Василий Петрович. Понимаете, бюрократия на Руси всегда делилась на две категории: исполнители и начальники. Что при Петре, что при нынешнем руководстве страной. И это – разные миры, имеющие лишь отдельные точки соприкосновения. Исполнитель никогда не станет начальником, его карма – всегда быть клерком и выполнять строго означенный функционал. Пик карьеры для таких – возглавить отдел из себе подобных. Начальники – совсем иная каста, привилегированная: они решают, совещаются, рекомендуют, определяют вектор развития вверенного им сектора. Будь то район, город или, например, край. Их слово весомее гласа сотен рядовых клерков, их мнение дорогого стоит, и они никогда не замарают себя ничтожной работой, – Колобов без сомнения относил себя к высшей касте хозяев жизни. – А Штурмин удивительным образом сочетал в себе лучшие качества и тех, и других. При необходимости скрупулезно вникал в работу даже низшего звена бюрократической цепочки, анализировал информацию по всей системе и принимал на основании полученных данных единственно верное решение. Перед ним можно было поставить любую задачу, даже самую невыполнимую, и нисколько не сомневаться, что результат будет только положительный. Он в кратчайшие сроки делал то, над чем другие бились месяцы, если не годы.

– А точнее?

Губернатор точно спустил пар, сложив губы трубочкой и издав протяжное: пффф!

– Все! Советник делал все, о чем его просили, – подумав секунду, он уточнил, – я просил! Больше указаний ему дать никто не мог.

– И о чем же вы его просили? – не унимался Леднев.

Свидетели часто растекаются мыслью по древу, уходя от основной темы разговора. Увлеченные воспоминаниями или даже собственными фантазиями, погружаются в такие глубины, забредают в такие дебри, что вернуть их в прежнее русло оказывается сложно. С губернатором был не такой клинический случай: осознанно или нет, он просто сдобривал свой рассказ излишними деталями и впечатлениями, казавшимися ему необычайно важными. Его стоило только немного подправить, чтобы остаться на прежнем пути.

– Ни о чем, что могло бы спровоцировать его смерть.

– Подробнее, пожалуйста.

– Пожалуйста! – в тон Ледневу ответил Колобов, ощущение, что его допрашивают как полукриминальный элемент, вызывало тошноту. – С тех пор, как силами Бориса Андреевича в крае воцарился порядок, работы у него поубавилось. Продолжая курировать вопросы безопасности и координировать деятельность силовиков, Штурмин охотно подряжался на другие значимые проекты. Янисколько не сомневался, что ни копейки из бюджетного финансирования не пройдет мимо, не осядет в карманах нечистых на руку чинуш. – Губернатор скорчил гримасу отвращения. – Не мне вам рассказывать, что коррупция – бич современного общества и власти. Кто какой инвестпроект осуществляет, тот с него и кормится. Мне турки предлагали дорогу построить в два раза дешевле, чем наши. А почему?.. – он задал вопрос и сам же на него ответил. – Откаты! А Борис Андреевич – человек другого измерения, бессребреник. Служил обществу, работал ради идеи. За все время – ни одной жалобы, ни одного подозрения! Может, и были какие статьи личного обогащения, но только не за государственный счет. Сами понимаете, в современных условиях такое поведение – невиданный героизм.

– Возможно, – сдержанно ответил Леднев, стараясь не давать пока никаких оценок. – И много проектов находилось в ведении Штурмина в последнее время?

В глазах Колобова проскочила искра удивления. Для него, казалось, обязанности советника виделись на столько очевидно, что любые вопросы становились неуместными, тем более их неоднократное повторение.

– Конечно. – Он вскочил с занимаемого места, подошел к скрытому за стеновой панелью сейфу и, недолго повозившись с кодовым замком, выудил несколько папок с документами. – Вообще, Борис Андреевич прямо или опосредованно принимал участие в реализации различных программ в Южноморске, фактически стал вторым человеком в крае после меня. Но особое внимание уделял трем: там колоссальный бюджет, просто-таки гигантские объемы строительства. Скажу прямо: мы сильно облажались с реконструкцией городского вокзала и морского порта – из-за халатности и жуткого непрофессионализма всех участников с обеих сторон сроки сдачи объектов оказались затянуты, работы практически встали. Край понес грандиозные убытки. Это и грузопотоки, и пассажирское сообщение, и туризм. Хорошо, что два года назад все же смогли привести в порядок аэропорт, а то бы и не знаю, как принимали отдыхающих в разгар сезона. Но в любом случае имиджу Южноморска нанесен большой урон. Потому я лично настоял и отстаивал свое мнение перед заксобранием, что наиболее значимые проекты должен вести только Борис Андреевич Штурмин. Меня поддержали почти единогласно... Так вот, последнее время он плотно работал над инвестпрограммами, которые в считанные годы должны были вывести край на абсолютно новую, до селе недостижимую высоту, практически интегрировать Южноморск в мировую экономическую систему. – Губернатор не без гордости взглянул в глаза собеседнику – пускай московский гость по достоинству оценит уровень, которого они достигли, казалось бы, в периферийном Южноморске: дела здесь вершатся не менее важные, чем в самой столице. – Первый и самый важный, под рабочим названием «Золотые ворота» – строительство нефтеналивного терминала в южноморском порту, грузооборот которого должен быть схож с лидерами мирового рынка транспортировки нефти. Второй – глубокая перестройка Долинской ГРЭС, доставшейся нам еще со времен СССР. И

если сейчас станция – большей частью обуза для города и края, то после модернизации ее мощность достигнет двух миллионов девятисот тысяч киловатт. Вы представляете?!

Вопрос нисколько не смутил Леднева, и он, без тени стеснения ответил:

– Нет, не представляю.

– Ну да, конечно. Не ваш профиль. – Сам для себя прояснил ситуацию Колобов и продолжил, – она станет одной из самых мощных в России и крупнейшей в Европе!

От размаха у него захватывало дух. Ледневу же ситуация «догнать и перегнать соседа» казалась пережитком советского прошлого. Конечно, разумная конкуренция важна везде, но гигантомания... На этот счет у него были большие сомнения.

– А третий?

– Третий – строительство логистическо-промышленной зоны в Чагинском районе, на границе с Краснодарским краем, – судя по ослабшим интонациям Юрия Алексеевича, третий проект не шел ни в какое сравнение с первыми двумя и являлся скорее прицепным вагоном, нежели локомотивом южноморской экономики. – Но отметьте, тогда как по всей стране инвестиционная активность падает, в Южноморске – только растет! По объему инвестиций край вошел в десятку ведущих субъектов федерации. А все почему?.. Благодаря бульдозьей деловой хватке уважаемого Бориса Андреевича. Уж если вцепится, то выгоды не упустит. Государственный человек! Всегда глобально мыслил!

– И в чем же это выразалось?

Сожалея о потере бесценного чиновника, губернатор тяжело вздохнул.

– Буквально во всем. Ведь инвестиционные проекты осуществляются на основе государственно-частного партнерства. В период кризиса правительство урезало бюджетное финансирование по федеральным программам. Заведомо предвидя такой поворот, советник предложил привлекать в край частных инвесторов. Лично проводил переговоры, встречался, устраивал презентации. Так к нам пришли уважаемые фонды с мировым именем из Европы и Америки. То есть люди, которые умеют честно делать бизнес. Которые ни за что не стали бы подписывать контракты с зарвавшимися взяточниками, но поверили убеждениям Штурмина, разглядев в нем честного человека. – Он замолчал, играя желваками, и спустя минуту произнес дрогнувшим голосом. – Его смерть – страшнейший удар по системе управления в крае. Я вдруг подумал, что все ведь завязано на Бориса... Мы понесли невосполнимую утрату!

– Что теперь станет с этими проектами?

– Сложно сказать, – ослабив узел галстука и расстегнув ворот рубашки, как будто ему неожиданно стало нестерпимо жарко, несмотря на без усталости работавший кондиционер, Колобов растеряно уставился на девственно чистую столешницу перед собой. – Не заморозим, конечно: у нас остаются обязательства перед партнерами и южноморцами. Но проблемы возникнут. Говорю же, Борис обладал неповторимым талантом, он умел нравиться, умел договариваться, никогда не боялся уступать, если затем мог получить больше. Никогда не считал компромисс проигрышем. Согласитесь, завидное качество?

– Его смерть может остановить реализацию инвестпрограмм или по-другому расставить акценты? – задал Леднев наводящий вопрос. – Может ли его смерть быть выгодной какой-нибудь из сторон? – он не хотел акцентировать внимание именно на «Золотых воротах», но чувствовал необходимость в оценке ситуации со стороны губернатора.

– Да нет. Совершенно точно – нет. По большинству вопросов условия согласованы и закреплены на бумаге. Ведь Борис был переговорщиком, а гарантии предоставляет Южноморский край и федеральное правительство. Некоторые процессы наверняка подвиснут в неопределенности, но работы не остановятся. Максимум, что может произойти – передвинем сроки ввода объектов в эксплуатацию... Нет, партнерам это точно не выгодно. Они наоборот заинтересованы в скорейшей отдаче... Понимаете, Штурмин не был осью, на которой вертится Земля. Это звучит довольно цинично, но он – чиновник, всего-навсего шестеренка в механизме, пусть

и важная, отвечающая за многое. Из-за того, что шестеренка вышла из строя, механизм не перестанет работать, так как он вполне ремонтпригоден. Незаменимых у нас нет!

– Тогда поставлю вопрос немного иначе: кто пострадает из-за сегодняшнего убийства?

– Боюсь, что только Штурмин, – задумчиво произнес губернатор и добавил без особого энтузиазма. – Убийство Бориса не меняет в крае абсолютно ничего. Я скорее поверю, что здесь какие-то личные мотивы. – Губернатор кинул взгляд на часы, всем своим видом демонстрируя собеседнику, что опаздывает.

– Бизнес? Женщины?

– Не знаю. Быть может, месть. Он же воевал на Кавказе...

– Возможно, – Василий Петрович закрыл записную книжку, показав, что протокольная часть беседы окончена. – Скажите честно, Юрий Алексеевич, Штурмин занимался бизнесом в крае?

Колобов недовольно засопел, не торопясь с ответом. Начал вращать глазами и хватать ртом воздух, точно выброшенная на берег рыба. Будто лично ему только что предъявили необоснованное обвинение в коррупции.

– Нет! Государственным служащим категорически запрещено заниматься предпринимательской деятельностью. Вам в Госдуме об этом должно быть хорошо известно! – прозвучало с нескрываемой иронией. – И Штурмин неукоснительно следовал букве закона. Хотя вы имеете полное право мне не верить.

– Что ж, я вас понял. А женщины? Говорят, он умел с ними ладить...

– Умел. Я же говорю: советник находил общий язык с любым собеседником. И женщины не были исключением... Но о каких-то порочащих связях я бы не стал рассказывать: не знаю. Ни у кого никогда не возникало сомнений, что он образцовый семьянин. Ни за что в жизни не поверю, что Борис пожертвовал бы благополучием близких ради какой-то мимолетной интрижки. Нет, и еще раз нет!

Здесь мнение свидетелей оставалось единым. Леднев поднялся, протянув руку с зажатой между указательным и средним пальцами визиткой.

– Прошу прощения, что вынужден был вас задержать, Юрий Алексеевич. Большое спасибо, что уделили время. Если что-то вспомните, обязательно звоните.

– Конечно!

Губернатор демонстративно небрежно кинул визитку в карман пиджака, пожал руку и подхватил портфель. Он прекрасно знал, что никакая сила не заставит его вспомнить что-либо, имеющее отношение к преступлению, не заставит набрать номер этого надменного, убежденного сединой сыщика, выписанного из самой первопрестольной. Как бы он хотел, чтобы сегодняшнего дня не было вовсе. Чтобы сегодняшняя трагедия никогда не случилась. Чтобы ищейки со своими пронырливыми носами не шарились по кабинетам в поисках скелетов в шкафу, не задавали вопросов и не выпытывали показаний. Чтобы так же светило солнце, и жизнь текла своим чередом.

Выйдя в коридор, Леднев проводил Колобова взглядом. Его не покидало впечатление, что осознанно или нет, но никто не хочет говорить правды, придерживаясь специально выдуманной и тщательно лелеемой легендой. Ни губернатор, ни его подчиненные, ни даже коллеги не собираются пускать его, чужака, ревизора из Москвы, в святая святых, охраняя покой бюрократических кулуаров. Слишком все масляно и приторно, чтобы соответствовать действительности. Все, что скрыто от глаз обывателя – тайна за семью печатями. И как же у него чешутся руки, чтобы эти печати сломать...

4

Рабочая суета в кабинете убитого и в приемной утихла, начальствующие персоны, эксперты и прочая публика растеклись по своим делам, коих в погожий июньский день было куда

как много, позволив нижним чинам, наконец, выполнять профессиональные обязанности без оглядки на руководство. Только глава краевого УФСБ Заур Хаджиев продолжал ходить кругами, раздавая указания своим безликим, похожим друг на друга как две капли воды, подчиненным.

Илья Ильич Панов, изобразив крайне деловой вид, уехал. Как догадался Леднев, лишь для того, чтобы не сталкиваться лишней раз с Хаджиевым, отношения с которым были далеки от идеала. Но обещал обязательно вернуться, т.к. на месте еще работали сотрудники Следственного управления.

Чувство, что он упустил что-то очевидное, лежащее на поверхности и доступное для всеобщего обозрения, не покидало Василия Петровича. Так бывает: ходишь, ищешь, роешь землю, а из-за шор, созданных стереотипным мышлением, не можешь разглядеть того, что у тебя под боком. Сыщик – он потому и профессионал, а не профан, что способен избавиться от шор, выйти за рамки привычного, мыслить пространственно. О чем думал убийца? Почему он поступил именно так? Что планировал делать дальше? Чужая душа – потемки, а сыщик обязан в ней разобраться, должен предвидеть шаги преступника еще до того, как мысль о них возникнет у того в голове. Иначе преступник всегда будет впереди.

Он вновь и вновь перечитывал протокол осмотра места происшествия, копии которого любезно предоставил Виталий Лосневский, бродил по кабинету советника губернатора, надеясь увидеть то, что укрылось от цепкого взгляда следователя. Кадр за кадром просматривал видеосъемку, скользящую вдоль стен, по полу, запечатлевшую труп с аккуратным отверствием над переносицей меж бровей, с жуткими закатившимися глазами, уставившимися в потолок, с акцентом на улики: чашку кофе, латунную гильзу, застрявшую в стене позади жертвы пулю.

Ничего!

Он закрывал глаза и уже видел перед собой картину происшедшего. Слышал каждый шаг убийцы и сухой треск выстрела. Но визуализация убийства не подталкивала его вперед.

Как киллер прошел незамеченным в здание?

Каким образом незаметно покинул место преступления?

Здравый смысл подсказывал, что тем же путем, что и вошел.

Куда дел оружие?

Можно было бы предположить, что убийца затаился где-то здесь и ждет, когда снимут оцепление, чтобы скрыться восвояси. Но полиция утверждает, что все люди, присутствующие в администрации, прибыли уже после рокового выстрела.

А ведь истина где-то рядом и ее необходимо найти, во что бы то ни стало.

Чтобы понять преступника, надо вжиться в его образ, влезть в его шкуру, уловить ход мыслей. И Леднев раз за разом проходил от двери до стола, до того места, где киллер нажал на курок.

Ничего!

Следует установить мотив. Найти, кому выгодно...

В приемной зашумели, и Леднев машинально выглянул на звук голосов. В нескольких метрах от него стоял среднего роста, немного грузный, коротко стриженный мужчина, тело которого еще помнило хорошую спортивную форму и высокие физические нагрузки. Помнило, но предпочитало оставить в прошлом.

– Это правда?.. – голос предательски дрогнул, а немигающий, лишенный страха взгляд непреклонно буравил Василия Петровича, застывшего в дверях кабинета Бориса Штурмина.

Возникшая неизвестно откуда Вера Глонтя кинулась гостю на шею.

– Валечка, горе-то какое...

Он приобнял ее сильной рукой и прижал к себе, стараясь успокоить. Настойчиво повторил свой вопрос:

– Так это правда?

Не видя оснований уходить от ответа, Леднев кивнул головой, поразившись, как при звуке голоса незнакомца его пробирает озноб. Тот, кого Вера запросто назвала «Валечка», не говорил – он рычал, как раненый тигр. Будто пуля разнесла полголовы не Борису Андреевичу Штурмину, тело которого давно увезли в морг, а попала в него, заставив медленно угасать, превозмогая боль.

– Я сразу с поезда, сюда... – он достал из кармана билет и протянул Ледневу, отстранившись от Веры. – А здесь такое... Мы можем поговорить?..

Они прошли в кабинет по соседству, где несколько раньше Василий Петрович общался с Пановым. Сейчас здесь никого не было, только тихо сопел кондиционер, включенный заботливой рукой.

– Что случилось? – задал свой вопрос незнакомец еще до того, как успел присесть. Его небольшая спортивная сумка была беспечно брошена на пол рядом.

– Вы, собственно, кто? – уточнил Леднев, прежде чем посвящать постороннего в тайны следствия.

– Простите... Я – Валентин Дергач. Персональный водитель Штурмина. Мы с Борисом Андреевичем уже давно... – он замолчал, до скрипа стиснув зубы.

Задумчиво глядя на Дергача, Василий Петрович не торопился с продолжением беседы. Конечно, следовало бы пригласить к участию Виталия Лосневского как официального руководителя следствия, но делить на двоих законный трофей в лице важного свидетеля совсем не хотелось. Проявления чувств Дергачом показалось ему вполне искренним, и сам он открытым для общения. Этот человек хотел знать и готов был делиться знанием для того, чтобы убийца был скорее найден и наказан.

В нескольких словах Леднев обрисовал сложившуюся ситуацию, оставив без внимания версии, которые уже появились в ходе опроса свидетелей.

– Вы знаете, кто это сделал? – водитель задал вопрос в лоб.

– Мы, нет. А вы?

Задумавшись, Валентин потер ладонью гладко выбритый подбородок.

– Так сразу и не скажешь. Смерти его могли желать многие. Но между желанием и его воплощением в жизнь лежит целая пропасть, перейти которую не каждый способен.

– И слава Богу! – согласился Леднев.

Еще какое-то время Дергач молчал.

– Нет... я не готов назвать кого-то.

– Вы давно работаете на Штурмина?

В ответ Валентин горько усмехнулся.

– Кажется, всю жизнь. Мы познакомились задолго до его южноморского назначения. И это произошло в той... другой жизни. В Бамуте... Тогда было ни пожрать, ни помыться, ни согреться, ни выспаться... Нас бросили там на произвол судьбы: выживем, так выживем, а нет – значит судьба... Вот судьба и столкнула нас с Борисом Андреевичем. Он – человек сумасшедшей энергетики, с вечным оптимизмом и задором. Иногда казалось, что даже светится в темноте. За ним нельзя было не пойти, ему невозможно было не верить. И он нас вытащил из котла... Не командование, а именно он, майор Штурмин. Вывел всех до одного. Без потерь. – Увидев, что Леднев делает пометки в блокноте, он добавил. – Вы легко можете это проверить.

– Я так понимаю, вы вместе служили. А как вышло, что впоследствии стали крутить баранку у советника? – уточнил Леднев.

– Так началась моя вторая жизнь. Я обязан Борису Андреевичу своим рождением. Называйте, как хотите: боевое братство, благотворительность – ваше дело. Но Борис Андреевич – золотой человек, без преувеличения... У меня контузия была, затем депрессия жуткая. Я вообще после Чечни пить страшно начал, опустился практически, интерес ко всему потерял. Глаза закрывал и видел, как кровь рекой льется, как пацанов прямо передо мной на куски гра-

натой разрывает. А я эти ошметки с себя снимаю, а снять не могу... Вот видения водкой и заливал. А чем больше пил, тем ужаснее становилось. Замкнутый круг! – он говорил спокойно, даже буднично, описывая дела минувших дней, но видно было, что не фантазия это вовсе, а за каждым словом скрывается боль, боль, похороненная глубоко в себе. – Не у каждого психика выдержит то, через что на войне пройти приходится. Я оказался не самым сильным. Так что допился до чертиков. До «белки». Жена ушла. Работы нет. В квартире осталось только паркет продать – всю мебель, технику и ценности сам не заметил, как вынес... И в один прекрасный день, когда проспался все же, пошел в военкомат справку оформлять для пособия, чтобы было, на что бухло купить. А в дверях нос к носу столкнулся со Штурминым. Он – респектабельный, успешный, а я – нищий, оборванный и не мытый. Мне даже стыдно стало... Детали опушу – не интересно. Но он меня вытащил, реально на ноги поставил. Точно ему больше, чем мне это надо было. Сначала к своим друзьям на автобазу водителем пристроил, а через полгода к себе позвал. Так я на него рулить и начал... Он не шеф мне, а спаситель, за которого я кого угодно порвать готов... Готов, но защитить не сумел...

– Не сумели. А где сами-то были?

Валентин недоуменно уставился на Леднева.

– Говорю ж: с поезда я. К матери ездил в Ставрополь – больная она. Борис Андреевич меня отпустил на несколько дней.

Не похоже, чтобы он лгал. И железнодорожный билет служил тому подтверждением.

– Штурмину угрожали? Может, предлагали пойти на какую-нибудь незаконную сделку? Принять решение в чьих-то интересах?

Замахав руками, Дергач протянул:

– Нееет. Надо знать Бориса Андреевича. Он таких бизнесменов, которые откат предлагали, на порог не пускал и сообщал, если что, в компетентные органы. И те уж сами занимались. А угроз не боялся вовсе: говорил, что стыдно здесь бояться какой-то мрази. Да и не угрожал уже давно никто. Ни к чему это. Всем же известно было, что на любую угрозу он ответит еще более активной деятельностью. Не успокоиться, пока нечисть всю не выведет.

– Советник раньше бизнесом занимался?

Вопрос Валентина не удивил. Какой чиновник сейчас не имеет отношения к бизнесу? А вот ответ Леднева немного обескуражил.

– Занимался. Но еще до меня. Я-то к нему пришел, когда он уже на государственной службе был: сначала в Ростове, затем в Москве недолго и вот теперь – в Южноморске.

– А что за бизнес?

Вздохнув, Валентин развел руками:

– Врать не буду – не знаю. Что-то покупал, что-то продавал. Не его это было, но на хлеб хватало. Даже чтобы на хлеб сверху намазать что-нибудь. За пару лет капиталец сколотил небольшой, на него и жили с семьей в основном. На чиновничье-то довольствие не сильно разгонишься... Тогда и хлебнул, столкнулся с коррупцией, так сказать, на передовой. Понял, что надо что-то менять. Причем менять срочно, не откладывая в долгий ящик. Пока коррупция страну до основания не разрушила... О том периоде лучше с супругой его, Еленой Николаевной поговорить. Им через многое пройти пришлось. Против Бориса Андреевича же тогда даже дело возбудить грозились за мошенничество, хотя уверен, что в бизнесе у него все было чисто. Просто он патологический противник взяточничества был, а некоторые с него бабла срубить хотели по-быстрому. Спасло то самое «боевое братство» – вышли на кого надо и порешали вопросы. От Штурмина и отстали. Но с бизнесом он завязал, говорил, что на таких условиях в нашей стране любая предпринимательская деятельность обречена на провал.

– То есть пошел во власть, чтобы порядок навести?

– Ну да. Любил Чехова цитировать, Антона Павловича, что-то вроде того, что если мы все будем ответственно к работе подходить, то сможем на Земле рай построить. Я, правда, в

это не верю, но вот Штурмину доверял всецело. С ним – и в разведку, и на край света. Если он что-то для себя решил, то будет биться пока результата не достигнет... В этот раз видно переоценил свои силы – разбился.

– Вы о чем-то конкретном? – насторожился Леднев.

– Да нет. – Дергач подавил в себе подкатывающий к горлу ком, сглотнул. – Он всегда и во всем точно на амбразуру бросался, точно в последний бой шел. Самоотверженный был человек. Бесстрашный. Требовательный. С подчиненных три шкуры драл и себе поблажек не позволял. Если работа кипит, так все на рабочих местах чуть ли не ночуют. Когда его в Южно-морск назначили, местные просто в шоке были от такого графика: совещание мог на любое время назначить, в любой момент мог отчет потребовать или еще что. Когда войну бандитам объявил, дома совсем не ночевал. В приемной у него диванчик до сих пор стоит, так Борис Андреевич пледом на нем укрывался и спал часа полтора. Прокурор на него обижался. Тот в бане уже парится после трудового дня, а Штурмин его к себе зовет – скользкие вопросы обсудить требуется. Начальник главка МВД несколько раз охоту откладывал, потом мобильник дома оставил и укатил-таки, типа секретарь не уведомила его о предстоящей встрече у губернатора. Вернулся и получил по первое число: и за мобильник, и за охоту, и за вертолет, который не по назначению использовал, и за растяжку у Штурмина в подъезде. Потом ничего: попривыкли, адаптировались.

– А что за история с неудавшимся подрывом?

Хулиганская улыбка на секунду озарила лицо Дергача.

– Да ну! – он отмахнулся от Василия Петровича. – Какой там к черту подрыв?! Лохи они, а не подрывники. Вот в Чечне нас взрывали. А это... скажите тоже. Хлопушка учебная. Если поугатать хотели – понятно, а взорвать... Нее... говорю – лохи...

– Но последствия-то были совсем не детские...

– Это да, – согласился Валентин. – Борис Андреевич меня позвал, чтобы я на шухере постоял: мало ли кто в подъезд сунется. И сам в пять минут всю конструкцию обезвредил. Но для него это была последняя капля... Быстро вышли на след заказчика, Кахи Сухумского, – был такой авторитет в Южноморске, Леднев при случае многое бы про него мог рассказать, – и рубанули топором по щупальцам этого бандитского спрута. Кто-то спрятался, а кто-то сел. Хотя позже шеф пришел к выводу, что Каху ему просто подставили. Но мафию он из края безжалостно выгнал.

– А кто подставил?

– Да бандиты же сами и подставили. У них там свои междоусобные разборки были. Они Каху и слили, чтобы от него чужими руками избавиться. Думали, наверное, что Борис Андреевич мстью ограничится. А он не мстил, он работу свою честно делал. Так что в крае никто из них не задержался.

– И этого ему могли не простить, – предположил Леднев, надеясь, что версия, отвергнутая другими свидетелями, может найти подтверждение в словах персонального водителя.

– Могли, – кивнул Валентин, – но Штурмин не боялся мести с их стороны. Уверен был, что авторитеты обескровлены и обессилены, и власти в Южноморске больше не имеют.

– Хорошо. – Прихлопнув ладонью по столу, Василий Петрович решил вернуться от прошлого к настоящему. – Я понимаю, что мои вопросы могут вам показаться некорректными, но прошу ответить на них со всей объективностью. Чем честнее вы будете со следствием, тем проще нам будет искать убийцу.

– Без проблем.

– Скажите, Валентин, у Штурмина была любовница?

Женский след не являлся самым вероятным, но жизнь иногда подкидывает такие сюрпризы, что диву даешься.

– Нет. Хотя многие с удовольствием затащили бы его в постель. Вокруг него постоянно вилось столько охотниц, выбор огромный был. Но Борис Андреевич семьей дорожил всегда. Семья для него – это святое, а святым не поступаются. – Посчитав вопрос наиглупейшим, Валентин ухмыльнулся. – Он переживал очень, что детей увидел уже взрослыми. Пока служил, все горячие точки объездил, из командировок не вылезал, так их детства и не заметил. А теперь каждую минуту ценил, старался видаться как можно чаще. На сколько рабочий график позволял.

– Вы же с ним всегда ездили. С кем он встречался последнее время?

– Ну, почти всегда. Иногда Штурмин сам брал машину.

– Зачем? – хватаясь за каждую нить, Леднев чувствовал, что ни одну не может удержать в руках.

Вновь потеряв подбородок, Валентин вздохнул.

– Уфф!.. Разные ситуации бывали: иногда я отпрашивался, было, раз заболел, так Борис Андреевич две недели сам себя катал. Потом сказал, что это было в первый и последний раз, – он сверкнул глазами, озаренный приятными воспоминаниями. – В отпуск я уходил как-то. Но Штурмин не жаловал мои отлучки... Хотя справедливости ради надо отметить, что отпускал меня бывало раньше, говорил, что сам справится. Я же не робот, я не могу трудиться без сна и отдыха.

– А он мог?

– Мог! – без запинки, с восхищением ответил Дергач.

– Но чтобы самому поехать куда-то, скрыть от вас поездку, такого не было? – уточнил Леднев.

– Нет, не было, – категорично замотал головой Валентин. – Да и нечего ему было скрывать от меня. Водитель же знает все про своего шефа, всю подноготную.

– Вот мне бы и хотелось ее узнать, – пояснил Василий Петрович.

Дергач долго думал, скрипя извилинами, морщил лоб, подгоняя воспоминания, потом поднял недоуменное лицо, взглянув на собеседника.

– Так нечего рассказывать. Борис Андреевич трудоголиком был до мозга костей. Жил работой и семьей. На работе проводил времени больше, но жену и детей от того любил не меньше. Рвался к ним при любой возможности. А из дома бежал на работу. Так и носился по кругу.

Вот и он точно так же ходит по кругу, подумал Леднев. Топчется на месте и никак не может сдвинуться: ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Словно врос корнями в этот треклятый кабинет, в приемную, в здание администрации.

– С кем он встречался в последнее время? – повторил он свой вопрос.

– Весь график встреч, на сколько я знаю, есть у Верочки, секретаря Бориса Андреевича. Ничего необычного. Он активно вел переговоры с инвесторами по проектам финансовых вливаний в край, которые находились под его патронажем. Я возил его несколько раз к ним, но имен не назову. Дважды встречались в Академии предпринимательства, несколько раз в Романофф-холле. Но Штурмин всегда оставался удовлетворен результатами, говорил, что все идет хорошо, и боялся какого-либо срыва...

– Почему?

– Как сказать? Суеверный был. Завидев черную кошку, обязательно поплюет трижды через левое плечо, если возвращался, забыв что-то – непременно в зеркало посмотрит. Всегда считал, что первый блин должен быть комом – тогда дальше дело отлично пойдет. А здесь все, как по маслу текло, и он ждал возможных затруднений.

– Может, все же какие-то проблемы возникли?

Активно роясь в воспоминаниях, Валентин не мог обнаружить в них ничего подозрительного, что натолкнуло бы следствие на след убийцы.

– Да нет. Все штатно шло. Никаких отклонений или волнений. Единственное, о чем Борис Андреевич переживал, что с трудом успевает выполнять поставленные задачи, изредка жаловался, что устал и хотел бы уйти на покой.

– Интересно. – Леднев искал в словах водителя подтекст. – А у Штурмина были возможности оставить государственную службу? Я имею ввиду, в большей степени финансы... Неработающая жена, двое несовершеннолетних детей...

– Не мне судить, – Дергач насупился, по всему видно было, что не привык совать нос куда не следует, – но у него пенсия по выслуге, участник боевых действий... Это, конечно, крохи... Зато от бизнеса, я уже говорил, кое-что осталось... Борис Андреевич рассказывал как-то, сильно раздосадованный отношением губернатора к себе, что если отважится плюнуть на все, то денег ему хватит, чтобы «скрасить скромную старость». Сказал, что шикавать не получится, но с голоду не умрет.

– А дополнительные доходы?

Ледневу вдруг показалось, что, задав вопрос, он сунул голову в пасть разъяренному тигру. Почему-то интерес об источниках обогащения советника губернатора неизменно вызывает нескрываемую агрессию. Но Валентин Дергач сдержался.

– Вы про взятки? Нет!

– Я совсем не про взятки, – отмел подозрения Василий Петрович, – а про возможности Штурмина извлекать доход откуда-то еще. Участие в бизнесе, личные инвестиции, рентный доход, да мало ли...

– Нет. Он же в крае на виду был, обязательно бы заметили и позором заклеямили: главный борец с коррупцией использует служебное положение. Нет. Был гол, как сокол!

– А если не в крае? – предположил Леднев.

– Нет. Я бы знал. Он же меня не за подчиненного считал, а за друга, боевого товарища. Из одного котелка кашу ели, вместе из окружения выбирались. Не было у него секретов. И доходов никаких, кроме вознаграждения за службу не было. Он порядок навести хотел, а грязными руками этого не сделаешь.

– Ясно.

Было ясно, как день, что все сотрудники краевой администрации вольно или невольно возвели образ советника Штурмина, возвели его в ранг святого и любое подозрение в его адрес воспринимают как личное оскорбление. Что ж, видно он и впрямь умел ладить с людьми, мог преподнести себя с лучшей стороны, а каков он на самом деле – покажут следственные действия ближайших дней. Главное, чтобы следствие не попало во власть колдовских чар, которые могут быть навязаны свыше.

– Тогда у меня, наверное, последний вопрос...

Подавшись вперед, Валентин приготовился внимательно выслушать его и, не мигая, смотрел на Леднева.

– Как Штурмин проводил свободное время?

Стукнув себя ладонью по колену, Дергач закатил глаза.

– Да никак! Говорю же, не было у него свободного времени. Он работал, не покладая рук. А каждую свободную минуту с семьей проводил, к детям спешил... Хотя детям-то он не слишком нужен оказался. Кому в пятнадцать лет отец рядом необходим? Думают, что сами умные...

– С детьми проблемы были?

– Нет. Ровные отношения складывались. В кино ходили, спортом вместе занимались. Борис Андреевич себя всегда в форме держал. Когда только время находил?.. Короче, нормально жили, не хуже других. Только Борису Андреевичу хотелось их тискать, ласкать, целовать и обнимать. На руках качать, чтобы они к нему прижимались. Сам рассказывал не раз. Мечтал. Но это раньше надо было делать, тогда, когда автомат в руках был, когда по горячим

точкам мотался. А сейчас поздно уже... Я подтрунивал иногда, советовал, чтобы еще себе родил кого-нибудь. Но он не отвечал, отмалчивался...

Ощущения, описываемые Валентином, были знакомы Ледневу и не вызывали сомнений. Его-то дети уже выросли и ушли в автономное плавание, но чувство недосказанности навсегда укоренилось в отношениях. Ему тоже не хватало их детства: в воспоминаниях остались только редкие улыбки, спокойное дыхание и закрытые глаза, когда он глубокой ночью возвращался домой. Зато в изобилии присутствовали засады, допросы, затхлый запах мертвечины, трупы с опарышами и бесконечные рапорты, рапорты, рапорты...

– Но должно же быть у Штурмина хобби?! Рыбалка, охота...

Валентин кивнул, соглашаясь.

– Должно быть. Но не было! Времени не оставалось. Пожалуй, жена и дети и являлись его хобби на протяжении всей жизни. С ними он отдыхал душой, к ним всегда спешил и никогда не успевал... А охота?.. Он после войны оружие в руки брать отказывался. Говорил, что уже достаточно убивал...

Продолжать разговор казалось бессмысленно. Борис Андреевич Штурмин – рыцарь без страха и упрека, со своими мелкими недостатками, но близкий к идеалу. Говорят, что смерть выбирает лучших. Может, люди правы и стоит им верить?

5

– Не помешаю?

Не дожидаясь ответа, Заур Хаджиев вошел в кабинет и плюхнулся не перед занимавшим место хозяина кабинета Ледневым, а на двухместный диванчик возле столика для переговоров. Беспечно скрутил голову стоявшей здесь же пластиковой бутылке и плеснул воды в стакан. Настроен он был намного радушнее, чем при первой встрече.

– Стоило только подключить моих ребят, как дело сдвинулось с мертвой точки. – Его слова прозвучали не без самолюбования. – Я сразу говорил, что это наша юрисдикция, а не Следственного управления.

– Ну и забери дело себе, – буркнул в ответ Леднев, не желая ввязываться в межведомственную борьбу, занимать чью-либо сторону в абсолютно беспочвенном и бесперспективном споре.

– Не могу, ты ж за главного...

Оперативно наведя справки по своим каналам, Заур Имранович как человек дальновидный и расчетливый, признал право руководства следствием за ревизором из Москвы и не собирався вставлять палки в колеса. Напротив, готов был оказать всяческое содействие всей мощью южноморского УФСБ. Но чтобы его действия не выглядели полной капитуляцией, держался уважительно, но подчеркнуто холодно и независимо, обращался на «ты», демонстрируя равенство положений.

Леднев откинулся на спинку кресла, пристально взглянув в непроницаемое лицо Хаджиева, перечеркнутое от брови до скулы застаревшим шрамом, и только сейчас заметил в руках того пластиковый пакет для вещдоков, в котором лежал... небольших размеров пистолет. Лучшего подарка ожидать было нельзя.

– Свежий, еще порохом пахнет. – Заур бросил находку на стол, явно ожидая аплодисментов. – Криминалисты обнаружили пальцы, обещают их идентифицировать в кратчайшие сроки. В магазине не хватает одного патрона. Думаю, именно из этого ствола и завалили Бориса Андреевича.

Происходящее больше походило на сон, нежели на реальность. Обнаружение орудия убийства позволяло надеяться на скорое раскрытие преступления по горячим следам.

– Где нашли?

– Мои бойцы вслед за вашими проверили все углы и закоулки, – не мог Хаджиев не пройти вскользь по милицейскому прошлому Леднева, не уколоть слегка, показав профессионализм собственной службы и низкий уровень подготовки полицейских кадров. – А он лежит тихонечко, голоса не подает, вида не кажет. Схоронился в урне, где сотрудники администрации в будни курят, в северном крыле возле запасного выхода.

– Киллер мог там пройти?.. Тогда понятно, почему постовой на входе не видел никого подозрительного.

– Дык, закрытый он, – хохотнул Заур Имранович. – Лет несколько уже закрыт. Это ж пожарный выход! – в словах сквозила ирония российской действительности. – Сам же понимаешь, пожинспектора сюда на пушечный выстрел не пустят.

Василий Петрович поднялся из-за рабочего стола и присел в низкое кресло напротив начальника УФСБ. Взял в руки упакованный в пластик «Вальтер», блестящий покатыми воронеными боками.

– Точно закрыт?

– Лично удостоверился, – заверил Хаджиев.

– Надо все же проверить: может, пользовались недавно, – не унимался Леднев.

– Уже! Дал указание экспертам.

Трудно было поспорить, что несмотря на неукротимый нрав, свойственный многим выходцам с Кавказа, с Хаджиевым приятно работать. Леднев смотрел на горца, небрежно расположившегося на диване, в темно-синем дизайнерском костюме, в расстегнутой у ворота сорочке, плотно охватывающей бычью шею, на его ехидную усмешку, застывшую в уголках губ. И вдруг представил его совсем в иной обстановке, более подходящей образу: на привале возле огромного валуна, облаченного в камуфляж, с раскалившимся на солнце калашниковым наперевес. И ухмылка его сразу обрела смысл: прошедший воду, огонь и медные трубы, Заур открыто смеется над жизнью.

– Что думаешь?

– Хрень какая-то получается, – Заур Имранович задумчиво почесал ладонью коротко стриженный затылок. – Какой-то киллер-недоделок у нас вырисовывается. Тайно проник в здание администрации, незамеченным пробрался в кабинет Штурмина, грохнул советника и испарился. Начало – изумительное. А дальше?

– А дальше начал косорезить, – подхватил Леднев. – Оставил на столе предположительно предложенную ему чашку кофе, позволив нам считать, что убийца был знаком с жертвой. Гильзу подбирать не стал. Теперь понятно – ствол скинул здесь же. Только зачем его надо было уносить с места преступления? Почему нельзя было бросить там же, сразу после выстрела?.. Ну, а пальцы – это перебор, который вдребезги разбивает версию о предумышленном убийстве.

– И я о том же, – Хаджиев подался вперед. – Думаю, мы стали жертвой стереотипов, с удовольствием поверили в версию, в которую очень хотели верить: люди, подобные Штурмину, не погибают просто так, случайно. Хотя налицо спонтанные, необдуманные действия преступника. Все его поступки имеют исключительно эмоциональную окраску.

– Случайность? Аффект? – Василий Петрович искал возможные версии. Лежавшая на поверхности при ближайшем рассмотрении не выдержала никакой критики.

На лбу Хаджиева заложилась глубокая складка, точно зародившаяся глубоко в мозгу мысль оставила за собой борозду.

– Найдем, откуда ноги у «Вальтера» растут – найдем убийцу, – заключил он.

– Тогда занимайтесь пистолетом, а мы отработаем окружение советника. Если преступник свой, он обязательно должен быть где-то рядом, обязательно должен нервничать сейчас, места себе не находить, – постановил Леднев. – Так что пойдем с разных сторон и возьмем его тепленьким.

Заур, соглашаясь, кивнул головой. Вокруг советника крутилось столько людей, что Следственному управлению совместно с полицией при всей старательности и недели не хватит, чтобы допросить всех, кто был с ним тесно связан: чиновники различного ранга (с ними обязательно возникнут проблемы); сотрудники правоохранительных органов (с этими тоже, при том, что и Хаджиев, и Панов гипотетически могут входить в круг подозреваемых); партнеры по инвестиционным проектам с администрацией края, которые курировал Штурмин; родственники, друзья, соседи. Он же собирался за считанные дни выяснить всю подноготную орудия убийства, нисколько не сомневаясь, что не искушенный в вопросах конспирации профан не мог не наследить при приобретении пистолета.

– Но выстрел был всего один...

– Один, – согласился Заур.

– И пуля легла четко между глаз. Как по написанному. Разве так может выстрелить человек, для которого убийство – не профессия?

– Повезло! – без доли сомнения заверил Хаджиев. – Еще в молодости в Карабахе я лично видел, как жена офицера дислоцированной там воинской части, схватив автомат, не целясь, двумя одиночными уложила двоих шайтанов, вломившихся к ней в дом. Каждому – по пуле в сердце. До этого она ни разу в жизни не держала в руках оружия страшнее кухонного ножа. В стрессовой ситуации люди способны творить чудеса, поверь.

Леднев кивнул, продолжая сомневаться: мне бы твою уверенность.

– Добавь к уже названным косякам, допущенным убийцей, что пистолет был без глушителя. Несмотря на субботний день, в администрации полно народа, многие могли бы слышать выстрел.

– По заверениям экспертов, смерть наступила рано утром. В здании кроме постового на входе никого не было.

– Вот я и говорю: не профессионально. Идти на убийство и вместо того, чтобы хорошо подготовиться, надеяться, что никто не услышит?

– Надо искать мотив! – Леднев прихлопнул ладонью по столу. – Будет мотив, очертим круг подозреваемых. – Он замолчал, а затем, глядя в глаза Зауру, спросил, – А что, по-твоему, представлял из себя Борис Штурмин? – в его голове уже сформировался достаточно четкий образ советника губернатора, который необходимо было дополнить некоторыми штрихами. – За что на него могли покушаться?

Начальник УФСБ задумался, не торопясь с ответом. Извлек из кармана пиджака пачку сигарет, зажигалку. Прикурил и долго смотрел, как струйка сизого дыма медленно поднимается к потолку.

– Мешал многим... Сложный был человек. Двумя словами не опишешь. Война, контузия, затем снова война. Это, знаешь ли, закаляет и держит в тонусе. Решения принимал молниеносно. Если что не по его, рубил шашкой, не задумываясь. Многих людей поломал, многим жизнь испортил. Так что желающих с ним поквитаться – пруд пруди. Очередь – на годы вперед. Но при всем справедливый был, ничего не скажешь. В ситуации разбирался досконально, каждую мелочь учитывал.

– Имена назвать можешь?

Вечная ухмылка Заура стала циничнее.

– Для начала сходи в кадры краевой администрации, возьми личные дела сотрудников и начинай по списку. Затем иди в главк МВД и – по тому же алгоритму. От начальства и по всей иерархии. Чтобы время сэкономить, тех, кто на земле службу несет, трогать, пожалуй, не стоит. У них у единственных к Штурмину не было претензий. А остальные... Или хочешь, начни с южноморского УФСБ?

Это несколько меняло нарисованную предыдущими собеседниками картину, но Леднев не спешил делать выводы.

– Ты тоже в очереди за возмездием стоял?

– Нет! – Заур Имранович не кривил душой. – Сложные отношения у нас были, это – да. Он же когда в край пришел, перетряхнуть силовые структуры решил. Де-юре-то мы губернатору не подчиняемся – у нас свое руководство. Так Борис Андреевич неоднократно в Москву летал, спорил, доказывал. Не жаловался, не ябедничал, как может показаться, а аргументировано излагал свою точку зрения, свое видение ситуации объяснял. Во многом, кстати, прав был. На него потом многие из местных начальников зубы точили, кому бизнес прикрыть пришлось. По закону же, находясь на государственной службе, никакой другой деятельностью заниматься нельзя. А жить-то хорошо давно привыкли! Со временем притерлись, конечно, но осадочек-то остался.

– А между вами как отношения складывались?

Хаджиев ответил без обиняков, хотя мог бы оскорбиться подозрениями в свой адрес.

– Сталкивались регулярно по многим вопросам, общее решение не всегда находили. Взгляды разные, методы работы различные. Я – кавказец, он – русский. Разный темперамент, понимаешь? Но это служба, никуда не денешься. Надо было взаимодействовать, и мы работали сообща. Край зачистили до основания, заставили всех соблюдать закон.

– Так уж и заставили? – усомнился Леднев.

– Ну, почти, с учетом местного менталитета, – по-волчьи улыбнулся в ответ Хаджиев и, посерьезнев, добавил. – По крайней мере, бандиты поняли, что они – бандиты и должны сидеть по норам и не высовываться, иначе – голова с плеч. Чиновникам и силовикам дали понять, что их задача – службу нести, а не бизнес крышевать. Людям вселили уверенность, что можно ходить по улицам и не шараться от встречных прохожих. Впервые за последние лет двадцать власти в крае стали доверять, жители реальную работу увидели, а не пустые обещания и переливания из пустого в порожнее. И в этом львиная доля принадлежит Штурмину. Сегодняшнее убийство пробило огромную брешь в системе обеспечения безопасности края. И отголоски случившегося мы еще долго будем испытывать на себе. При всей неоднозначности натуры, мужик хороший был. Сильный. – Заур подавил тяжелый вздох сожаления. – Знаешь... мы же подрались с ним как-то...

– Как?! – не понял Леднев. Он не мог представить себе начальника краевого УФСБ и советника губернатора, одетых в дорогие костюмы, выясняющих отношения с помощью кулаков посреди рабочего кабинета.

– Просто. Мы ругались тогда до хрипоты. Борис – сторонник радикальных мер... был. Я считал, что действовать надо мягче, не переть в дурь, чтобы дров не наломать и людей лишний раз не злить. Он же фактически всем нам в лицо плюнул, когда для проведения спецмероприятий спецназ и следователей из столицы притащил. Дал понять, что не уверен в нашей чистоплотности и церемониться не собирается. Я недовольство свое прямо высказал, а Штурмин меня тогда едва не обвинил, что я преступников покрываю... но сдержался. А затем подошел вплотную и сквозь зубы предложил отношения по-мужски выяснить. На ринге!

– Выяснили?

– Да, – глаза Заура вспыхнули на секунду, озаренные приятными воспоминаниями, – он хороший боец. Зверь, а не человек. Боли совсем не чувствует... не чувствовал. Но я его...

Леднев ничего не стал говорить на желание Хаджиева похвалиться победой, только с сомнением заглянул в глаза, заставив генерала тут же исправиться.

– В общем, ничья у нас вышла... Обоим досталось. Но после боя контакт наладился.

– Мда, – протянул Леднев, не зная, что сказать на признание. Он всегда считал родной Южноморск вполне цивилизованным европейским городом, но услышав, как два высокопоставленных руководителя мордуют друг друга, пусть и на ринге, усомнился.

– В него же стреляли не так давно. Еще после того покушения я настойчиво предлагал ему охрану, – посетовал Заур Имранович, – сейчас понимаю, что должен был настоять. Но

Борис, он же упертый. Считал, что может быть только две точки зрения: одна его, а другая неправильная. С моим предложением откровенно послал меня по известному адресу.

– А что в итоге? Глухарь?

Хаджиев только рукой махнул.

– Следственный комитет занимался вместе с твоими ментами. Типа, нашли заказчика, но он приказал долго жить. Так что дело закрыли в связи со смертью подозреваемого. Результат устроил всех, кроме меня.

– А тебе что не так?

– Там было, в чем покопаться. Если бы по тому эпизоду плотно поработали, может, и не сидели бы с тобой сегодня здесь, и Борис Андреевич жив бы остался. Стрелка не нашли, понимаешь?

– Думаешь, сегодня выполнил ранее сорвавшийся заказ?

– Не знаю. Не уверен. Там из СВД стреляли, а здесь в упор из пистолета. Но стрелок – единственный, кто на заказчика указать может. В любом другом случае – только наши домыслы, пусть и подкрепленные фактами.

– Значит, не веришь уликам?

– Там не было улик никаких, – заверил Хаджиев. – Ни одной, которая указала бы на заказчика. Следствие пошло по хрестоматийному пути: ищи, кому выгодно. Нашли и навесили ярлык убийцы. Говорю же: результат устроил всех, в том числе и советника. Вот его согласие меня до сих пор удивляет.

– Не хотел выяснить истину? – подобное поведение Штурмина поставило Василия Петровича в тупик.

В ответ Заур только пожал плечами.

– Может, и правда поверил, что заказчик мертв – ему-то виднее, кому неосторожно дорогу перебежал. А может, в собственную неуязвимость искренне верил. Его же пуля не брала, Аллах хранил, наверное. До поры...

– Понятно...

Леднев поднялся с кресла и подошел к окну, за которым вовсю кипела курортная жизнь. Сквозь стекло была видна площадь перед зданием администрации, залитая белым солнечным светом, постовые полицейские, старавшиеся укрыться в прохладной тени зеленых деревьев, и чугунный Владимир Ильич, стойко переносящий субтропическую жару, с надеждой глядящий в синеву черноморских вод.

– У него половина Кавказа в кровниках, – неожиданно произнес Заур Имранович. – Даже я не могу подобными достижениями похвастать, хотя всю Чечню и Дагестан вдоль и поперек исходил. А другая половина лучшим другом считает. За особые заслуги перед Чеченской республикой был позолоченным Стечкиным награжден с дарственной надписью, у имамов особым уважением пользовался... Знаешь, история одна была. Сам не видел, но очевидец рассказывал...

Стояли возле Гудермеса уже около месяца. После череды боестолкновений можно было считать это время отдыхом. Соседство выдалось спокойное, но не слишком комфортное: с тех пор как Сулим вместе со своей нештучной армией перешел на сторону федералов и передал Гудермес под контроль федеральных сил, местные жители ночами с автоматами по горам не бродили, на представителей власти под покровом темноты не бросались. Но бойцы подсознательно ожидали выстрела в спину, ежесекундно ощущая на себе враждебные взгляды.

В первую чеченскую Борису Штурмину, дослужившемуся, наконец, до двух просветов и одной звезды на погонах, уже довелось бывать здесь, и тогда они смотрели друг на друга по разные стороны баррикад сквозь прицел калашникова, готовые огнем ответить на огонь. За прошедшее время многое изменилось, но главное, что прежние враги стали не друзьями, но

союзниками. Изменился расклад сил в республике, в умах лидеров и в федеральном центре, и в стане сепаратистов возобладал здравый смысл, активная фаза КТО сменилась эпизодическими столкновениями и спецоперациями. Война не закончилась, но стала вялотекущей, ушла из городов и сел в горы, позволив людям вспомнить о мирных профессиях. Бандподполье неумолимо теряло сторонников, многие из тех, кого называли боевиками, охотно складывали оружие и, пользуясь объявленной амнистией, возвращались в лоно семьи.

Это стало переломом в долгом противостоянии.

Официальная легенда их пребывания в Гудермесе была такова: обеспечить соблюдение законности и конституционный порядок в подконтрольном регионе, не допускать провокаций со стороны пособников террористов. Но даже самые неискушенные прекрасно понимали, что три дюжины бойцов федерального центра брошены сюда, чтобы не противостоять бандитам, а сдерживать намерения местных элит. Их присутствие символизировало неразрывную связь с Россией, видимую готовность подчиняться Москве. Являлось определенной гарантией, что Сулим с братьями не вернутся к прошлому. В соответствии со старой поговоркой, командование считало его тем самым волком, хоть и одетым в российскую форму, которого сколько не корми, а он все в лес смотрит.

Штурмин же, потерявший за последнюю командировку двух убитыми и трех ранеными, чувствовал себя и вверенное ему подразделение жертвенной овцой, отданной на заклание каким-то высшим целям и идеалам, прекрасно понимая, что в случае конфликта противопоставить пяти тысячам стволов Сулима кроме трех БТРов ему нечего. Потому известие о смене места дислокации поначалу воспринял как избавление, хотя не раз уже на собственной шкуре испытал, что после штиля неминуемо приходит шторм. И чем длительнее затишье, тем страшнее разразится буря.

– Твоя задача оперативно перебросить силы в Турпал-Юрт...

Турпал-Юрт – крупное селение более чем с тремя тысячами жителей, зажатое меж двух почти отвесных гор, главной достопримечательностью которого была большая мечеть, выстроенная еще в девятнадцатом веке. Удивительным образом война и разруха всегда обходили село стороной. Может, потому что местные, издревле занимавшиеся на каменистых почвах земледелием и скотоводством, никогда не были враждебно настроены к окружающим – будь то русский, ингуш, чеченец или ногаец – а возможно, им миролюбивым покровительствовал сам Аллах.

– Есть информация, что в мечети укрылся Малик Агроном со своими боевиками. Твоя задача: выкурить его оттуда и доставить в Махачкалу.

По самым скромным подсчетам, изрядно похудевший отряд Малика Дадаева мог насчитывать до двадцати – двадцати пяти бойцов, отъявленных отморозков, хорошо подготовленных и отменно экипированных. Но основная проблема заключалась в том, что сам Малик был родом из Турпал-Юрта.

– Почему не поручить это Сулиму? – осознавая всю невыполнимость поставленной перед ним задачи, Штурмин прекрасно знал, кому она по силам. – Ему перечить не посмеют.

Сначала в эфире раздались ругательства, потоком лившиеся из динамика радиостанции, красноречиво пояснявшие, что майору недолго осталось носить погоньи, указывавшие на его место и на направление движения, а закончилась тирада коротким:

– Агроном нам живым нужен!

Слова прозвучали как аксиома, не требуя доказательств. В свой последний визит в здешние края Малик Дадаев порядком наследил: его, улепетывающего от федералов, не пустили в Гудермес, и в результате скоротечного боя погибли четверо местных жителей. Так что не было никаких сомнений, попади он в руки личной гвардии Сулима, головы ему не сносить точно. Закон мести в горах непререкаем!

Дадаев закончил сельхозинститут по специальности агроном как раз в тот момент, когда время перемен настойчиво стучало во все двери. Зарабатывать грабежами и похищением людей оказалось проще и выгоднее, чем возделывать поля. Собрав вокруг себя энергичных и амбициозных, но не желающих зарабатывать себе на хлеб трудом молодых людей, он сколотил банду, напроць лишенную каких-либо принципов и представлений о морали, впоследствии ставшей костяком его отряда. С оружием проблем в республике не было, и вскоре деньги потекли рекой. С заложниками особо не церемонились, причем не разделяя их по национальному признаку, – если выкуп не поступал вовремя, то жертве сначала отрезали уши или пальцы, чтобы родственники стали сговорчивее, а затем убивали. Единственным критерием отбора жертвы служила платежеспособность его родственников, а не верность завещанам пророка Мохаммеда. Выучив две суры из Корана, и выгравировав на автоматном стволе еще одну, Малик проливал реки крови, прикрывая творимый беспредел борьбой с неверными и их приспешниками. Когда совершаемые им зверства вышли за любые допустимые рамки, республика как раз оказалась на грани войны, и пришла пора получить какой-либо легитимный статус. Он со своими отъявленными головорезами вступил в батальон «Борз», в котором и воевал в первую чеченскую кампанию, прославившись крайней жестокостью, от которой кровь стыла в жилах даже у выдавших виды командиров. Агроном никогда не чурался насилия и с удовольствием совершал акты устрашения: позировал перед камерой, расстреливая в упор пленных солдат и офицеров федеральных сил или перерезая им глотки. Видеоролик с его участием облетел когда-то все федеральные каналы.

Когда в стане сторонников независимости республики наступил раскол, Дадаев, колеблясь, занял сторону арабов. Там больше платили. Участвовал в рейде на Дагестан, в стычках с силами самообороны в Гульрипшском районе Абхазии. Несмотря на то, что регулярно совершал намаз, в реальности признавал только одного бога – Золотого Тельца. И отдаться готов был любому, в чьих руках шелестят купюры.

Теперь, когда наиболее одиозные арабские наемники и их сторонники были уничтожены в результате спецопераций ФСБ, когда после тучных лет наступили худые, и с финансированием возникли ощутимые проблемы, Малик вынужден был скрываться в горах, постоянно меняя норы, чтобы не оказаться постигнутым своими преследователями. Времена, когда его отряд организовывал похищение замминистра МВД, иностранных журналистов, когда полевые командиры преклонялись перед ним, ушли безвозвратно. Приходилось довольствоваться редкими набегами на села, вернувшись к банальному разбою. Количество его сторонников неумолимо сокращалось и рядом остались только самые преданные, либо те, кому путь домой был давно заказан. Зато количество людей, желавших Агроному смерти, увеличивалось с каждой вылазкой в геометрической прогрессии. И были среди них те, кто ни за что не отправится на покой до тех пор, пока собственноручно не отрежет Дадаеву голову.

Кое-как пережив суровую зиму, Малик Агроном прекрасно понимал, что дни его сочтены. Оставалось все меньше и меньше мест, где он мог бы чувствовать себя в безопасности, подобно загнанной в угол крысе, искал последнее убежище. Потому возвращение в лоно родительского дома казалось вполне predictable...

– Мне нужно подкрепление, – настаивал Штурмин.

– В твоём распоряжении тридцать шесть подготовленных бойцов, а не институт благородных девиц, – в ответ орала рация. – Выполняй приказ, майор! За провал ответишь головой! Привезешь Агронома – сверли дырку под Орден Мужества.

Сплюнув от досады, Штурмин вышел на улицу и взглянул на белый диск солнца, точно ища поддержки у Всевышнего. Но безоблачное голубое почти мирное небо не спешило давать советы.

– Собрать личный состав! Выдвигаемся в Турпал-Юрт!

То, что за провал операции придется отвечать, не подлежало сомнению. Только не перед полковником Гайдуковым – завзятым штабистом, не нюхавшим грязи и вони войны – а перед Богом. Так уже было в девяносто шестом, в преддверии подписания Хасавюртовских соглашений, когда готовился штурм Грозного федеральными силами. Тогда тоже обещали Орден Мужества за вылазку в город, полный боевиков, а получали его в основном посмертно. Вот и из Турпал-Юрта вернуться живыми им уже не придется: каждый мужчина на Кавказе, охваченном войной, имеет оружие и – что самое главное! – умеет с ним обращаться, а любую агрессию встретит ответной агрессией. У них нет танков и вертушек, но есть гордость и злость. Дадаева – каким бы преступником он ни был в глазах окружающих – земляки никогда не сдадут русским.

Здесь в лоб идти нельзя, смекалку проявить надо.

Услышав о поставленной задаче, затянутый в камуфляж, с беретом под погоном, высокий и крепкий капитан, весь состоящий из бугров могучих мышц, недоуменно тер подбородок:

– Командир, это шутка?! Кроме пятницы дней на неделе больше нет? Когда местные собираются на пятничную молитву, пытаются взять террористов прямо в мечети? Да там каждый второй еще вчера – боевик или сочувствующий. Так мы только людей против себя настроим, а нужного результата не добьемся. Может, лучше сразу найдем скалу повыше и сиганем с нее прямо на БТРе? Зачем мучить и себя, и пацанов?

Ответа у Штурмина не было. Конечно, он прекрасно знал, что каждую пятницу мужчины съезжаются в родное село со всей республики, чтобы помолиться бок о бок со стариками, и народу на площади соберется – не протолкнуться. Людская река будет течь до самого вечера. Все равно, что в рождество вломиться в христианский храм.

Как поступить? Выманить Агронома на улицу? Устроить недалеко засаду и терпеливо ждать? Должен же он рано или поздно выйти из укрытия.

– Это если он и впрямь в мечети. А если нет?! – капитана терзали те же сомнения. – Я бы не стал доверять в очередной раз Гайдукову. Что он, не кидал нас ни разу?

– Кидал, – согласился Штурмин, презрительно сплюнув под ноги, и не углубляясь в дальнейшее обсуждение, скомандовал, – по машинам!

Застучали солдатские берцы по раскалившейся на солнце броне, взревели во всю мощь, изрыгая клубы дыма, трехсот сильные двигатели, и тяжелые БТРы, клянувшись носом, один за другим выехали на пыльную дорогу, ведущую в сторону гор, провожаемые неоднозначными взглядами местных жителей. Кто-то про себя желал удачи, кто-то слал в спину проклятия – все знали, что неожиданный отъезд может быть связан только с постановкой боевой задачи. Откуда вернуться далеко не все...

Как въехали в Турпал-Юрт, шутки и разговоры на броне утихли как по команде, точно отряд попал на недружественную территорию. Толпа собравшихся возле мечети превышала все возможные представления Штурмина. Людское море бушевало в благоверном религиозном порыве. Федералам, вооруженным до зубов в разгар молитвы, здесь не были рады, и скрывать своего отношения не собирались.

Взъерошенный, с черными бровями внимательных глаз, мальчонка лет восьми, одиноко сидевший на обочине, вытянул вперед руку, сложив пальцы пистолетом, и чуть дернул, имитируя выстрел. Штурмин вздрогнул, точно почувствовав себя в седле прищела, ведь импровизированная пуля предназначалась именно ему. На лбу выступил холодный пот, а спина покрылась испариной. В памяти всплыли картинки из далекого прошлого, из солнечного, пропитанного кровью и потом Афганистана. Там он впервые увидел в руках несмышленья автомата. И тогда, и сейчас совсем не детские глаза ребенка глядели на него с лютотой холодной ненавистью, с вполне осознанным желанием убить врага.

Не выдержав, Штурмин отвел взгляд в сторону, спрыгивая на землю.

– Что будем делать, командир? – неохватная фигура капитана глыбой возвышалась рядом, ожидая указаний, калашников в его руках казался безобидной игрушкой.

Глядя в широкое добродушное лицо подчиненного, Штурмин коротко бросил:

– Работать! – он вдруг понял, что капитан стоит посреди улицы именно так, чтобы в случае неожиданной атаки успеть закрыть его широкой спиной. – Мне нужно поговорить с имамом...

Имам местной мечети оказался пожилым невысоким чеченцем с изборожденным мученическими морщинами лбом и ухоженной бородой с седыми прядями. Несмотря на внешнюю худобу, звериная сила гибкого тела ощущалась даже на расстоянии, скрашиваемая кротостью духовного сана. Выслушав до конца объяснения русского офицера, ни разу не перебив его монолог, он тихо произнес:

– У нас нет тех, кого вы ищете.

– У меня другая информация, – не согласился Штурмин. – И я не могу уйти без Агронома. – Его бойцы уже отцепили по периметру площадь и контролировали все выходы. – Попросите, пожалуйста, никого не покидать территорию.

– В храме только верующие. Мирные прихожане, а не боевики, – стоял на своем имам, не повышая голоса и не сводя взгляда с вооруженного гостя, который грозился принести много бед в случае неповиновения. – Вы можете убедиться сами, пройдя со мной... только без оружия.

– И, тем не менее, я бы попросил всех выходить через организованный нами коридор, чтобы иметь возможность досмотреть подозрительных лиц.

– Хорошо, – безропотно согласился имам. – Идем?

Оба понимали, что сейчас Штурмин получил большой подарок, позволивший на первом этапе избежать кровопролития. Конечно, федералы в его лице не могут отступить, но любое сопротивление со стороны прихожан вызовет конфликт, который выльется в бойню, и в ней уж точно не будет победителя.

Капитан неодобрительно крутил пальцем у виска, наблюдая, как командир снимает бронезилет, избавляется от пистолета и короткоствольного калашникова.

– А ведь я – ваш заложник, – сказал Штурмин, когда они плечом к плечу с имамом, как нож сквозь масло, проходили через скопление черноволосых мужчин и более агрессивно настроенных подростков – детей войны.

– Вы – наш гость, – улыбнулся имам, и в глазах его сверкнула мудрость веков. – Вы должны видеть в нас не только врагов...

Без тяжести бронезилета, без упирающейся в бок кобуры, без плотно завязанных вокруг щиколотки берцев, в одном только камуфляже Штурмин ощущал себя голым на лобном месте, всходящим на эшафот под восторженные выкрики зрителей. На него смотрели, показывали пальцем, от него шарахались, как от чумного.

В горле пересохло, конечности одеревенели, пульс грохотал в голове, как дизель-молот, забивающий сваи. Любое неосторожное движение, слово, жест или взгляд, и мирные крестьяне растерзают его на части, видя в нем виновника всех бед, вершащихся на чеченской земле.

– Не бойтесь, – имам едва коснулся его руки, чувствуя крайнее нервное напряжение. – Вы можете удостовериться, что среди нас нет никаких бандитов.

Он обратился к верующим с призывом проявить смирение и терпение, не подчиниться вооруженным людям, а пойти навстречу солдатам, получившим ложную информацию, помочь им убедиться, что жители Турпал-Юрта не несут угрозы и не жаждут войны. Не мусульманин враг русского, и не русский враг мусульманина. Враг тот, кто нарушает законы, соблюдать которые предписано свыше. Враг тот, кто не чтит Всевышнего, не почитает семью, несет миру хаос, разрушение, зло вместо добра. Он говорил, и Штурмин чувствовал

магическую силу его слов, видел, как люди ему внемлют, слышал, как ноты Истины отражаются от стен мечети.

Осмотр не занял много времени, и окружающим он уже не казался волком, ворвавшимся в овчарню отведать свежего мяса. Вопреки данным разведки, ни Агронома, ни его людей не оказалось под крышей храма, вокруг были только люди, всем сердцем желавшие строить свой дом и растить ребятню, уставшие от кровопролития. Желавшие, чтобы их оставили в покое и федералы, и сторонники мнимой независимости.

Когда на улице послышались звуки подъезжавших машин, имам напутствовал его на выходе:

– Иди с миром, и пусть тебе воздастся за проявленную мудрость...

Трехосные тяжёлые «Уралы» российской армии цвета хаки выкатывались на прилегающие к площади улицы, высыпавшиеся из них желторотые юнцы, с бритыми затылками в мешковатой форме, выстраивались вокруг бойцов Штурмина вторым кольцом оцепления, оттесняя прибывающих к мечети жителей Турнал-Юрта. Людская молва стремительнее любых СМИ разнесла по селу весть, что русские взяли в заложники имама и его прихожан.

В руках взбудораженных сельчан появилось оружие – от стародавних берданок до безотказных калашиниковых.

В воздухе почувствовался сладкий запах адреналина и едва уловимый – пороха и оружейной смазки – предвестников большой беды. За какие-то полчаса площадь превратилась в заряд сокрушительной силы, которому не хватало пока только детонатора.

– Майор, что за балаган ты тут устроил?! – полковник Гайдуков прыгнул на ходу с подъезжающего штабного «УАЗа», уронив в придорожную пыль фуражку.

Перед его глазами из мечети сквозь узкий живой коридор, устроенный Штурминым, ручейком вытекали люди, досматривались портативным металлоискателем, не прижимая к себе руки и стараясь не делать резких движений. Взвинченное состояние с обеих сторон любую секунду могло спровоцировать взрыв.

– Выполняю приказ, – коротко и сухо ответил Штурмин, застегивая широкий ремень с кобурой и принимая из рук капитана автомат.

Полковник побагровел и пошел пятнами от негодования. В его понимании выполнение приказа о захвате банды боевиков должно было быть стремительным и непреклонным. Ни разу не участвовавший в открытых боестолкновениях, он прибыл в Чечню за новыми звездами на груди и на погонах, да за выслугой лет, и терпеть не мог, когда подчиненные показывали свой норов.

– Твой приказ – взять Дадаева, а не миндальничать с черножопыми! – Гайдуков сорвался на визг, взбешенный самоуправством младшего по званию и по статусу.

Находившиеся рядом прихожане недовольно зашумели. И если только что они в коротких фразах благодарили бойцов за проявленное благоразумие, то теперь в их глазах не осталось ничего кроме лютой ненависти.

– В мечете нет боевиков, – сквозь зубы процедил Штурмин, стараясь понизить градус общения. – И не уверен, были ли. В этот раз разведка ошиблась.

Раздув щеки, выкатив глаза, Гайдуков оттолкнул Штурмина в сторону и направился ко входу в мечеть, где возле дверей стоял имам, из-под полуопущенных век наблюдавший за разворачивающейся между двумя федералами баталией. Его длинные узловатые пальцы медленно перебирали костяшки четок, вторя едва шевелящимся в молитве губам.

– Я сам разберусь! – рука полковника легла на клапан кобуры.

Ситуацию могло спасти только чудо, и то ли просьбы имама были услышаны, то ли Всевышний сам решил остановить творимую на земле глупость, то ли проведение дало людям шанс, но в спор вмешался громогласный окрик:

– Отставить!

Все, как по команде, обернулись назад. Штурмин инстинктивно подобрался, бойцы вытянулись в струнку, Гайдуков вжал голову в плечи, точно получив хорошую затрецину.

В трех метрах от них в пыльном камуфляже и лихо заломленной на затылке фуражке стоял командующий СКВО, с посереженным лицом и пронзительным взглядом.

– Какого черта здесь творится?

От тона, каким был задан вопрос, присутствующим показалось, что солнце вмиг село за горами и посреди лета неожиданно наступила зима. В армии такое редко, но случается.

Гайдуков, лебезя, поспешил с объяснениями к командиру. Теперь-то в присутствии старшего по званию с него снимается всякая ответственность за происходящее, и можно вздохнуть спокойно.

Пока его обвиняли во всех смертных грехах, Штурмин стоял в стороне, понутив голову, наблюдая, как последние прихожане покидают стены мечети. Утешением, перевешивающим любые невзгоды, оставалось то, что ему удалось избежать конфликта, удалось сохранить жизни бойцов и местных жителей. Вот и имам в знак признательности кивнул ему головой, перед тем как скрыться за дверью: спасибо, а между собой вы уж как-нибудь сами.

Резким взмахом руки оборвав Гайдукова на полуслове, командующий спросил:

– Вы что тут одну победоносную войну решили устроить, подполковник?!

– Полковник... – по инерции позволил себе поправить командующего полковник Гайдуков, еще не поняв, что тучи сгустились над его головой.

– Подполковник! – голос командующего лязнул, как жернова мельницы, стирая любые противоречия, и с желчью продолжил, – или вы думаете, я не умею считать звезды на погонах? – И, повернувшись к Штурмину, сменил гнев на милость. – Докладывайте, подполковник...

«Вот и сровнялись», – про себя с улыбкой отметил Штурмин.

– Получается, с какой стороны не посмотри – герой, – подытожил Леднев.

– Герой, – без всякого скепсиса согласился Заур Имранович. – Не каждый может похвастать, что является полным кавалером Ордена Мужества. А Штурмин – мог. У него на груди такой иконостас был, что в музее не всегда отыщется. Если бы армия и прочие силовики из одних штурминых состояли – порядку было бы не в пример...

Леднев долго думал над услышанным, анализировал, но никак не мог прийти к единому знаменателю.

– Прости, Заур, но не верю! Он таким замечательным был, честным и идейным, с людьми ладить умел, что сначала на него покушались, а затем убили.

– Потому и убили. Стержень в нем был нестигаемый. Такие люди не гнутся по ветру, только ломаются. Вот его и сломали.

– Думаешь, ваши?

Чеченец задумчиво покрутил в руках, разглядывая, упакованный в пакет пистолет и тихо произнес, едва размыкая губы:

– Вряд ли. Ствол гламурный очень – не наше это оружие. Да и послушаться авторитетного мнения у нас мало кто отважится. Ведь говорят, что с кровниками Штурмина лично САМ встречался, беседовал, вопросы улаживал, старейшин подключал. Борис Андреевич не личные цели на Чеченской земле преследовал, а приказы выполнял и в зверствах замечен не был. Говорю ж: со своими тараканами, но со всех сторон правильный мужик был...

– Короче, работы – не початый край, – вынес вердикт Леднев.

– Работаем, – согласился Заур, убирая улику в карман.

Разговор был окончен, пришла пора от слов переходить к делу, к определению и активному поиску подозреваемого.

Дверь с размаху отворилась, и в кабинет ввалился заместитель руководителя Следственного управления. Раскрасневшийся от спешки, одной рукой зажавший под мышкой портфель, а другой непрестанно утирающий пот со лба.

– Поздравляю, коллеги, у нас новый труп, – хищнический оскал Панова не предвещал ничего хорошего ни ему, ни окружающим.

Заур тревожно сдвинул и без того сросшиеся брови, Леднев, нахмурившись, поднялся с места.

– Василий Петрович, ты приносишь нам несчастья, – вновь неудачно пошутил Илья Ильич, не вызвав ни у кого и тени улыбки.

– Что случилось? – уточнил Хаджиев.

Панов пожал плечами.

– Предварительно – суицид. Постовой с улицы сообщил только что...

Не будь возле здания краевой администрации полицейского оцепления, еще не снятого в связи с затянувшимся осмотром места происшествия, вокруг наверняка бы уже собралась толпа зевак и прочих псевдо-заинтересованных, страшно любопытных до чужой беды личностей. А так все празднично шатающиеся горожане и туристы вытягивали шеи из-за эластичной ленты, натянутой между деревьев, переминаясь с ноги на ногу на залитом солнечным светом тротуаре, перешептываясь и обмениваясь мнениями, но не создавая мешающей толкотни. Широкий газон свято хранил покой места чрезвычайного происшествия. В паре метров от стены здания, рядом с распластанным на сером выцветшем асфальте телом молодой девушки в легком ситцевом платье стояли худосочный патрульный в сержантских погонах, два опера, и взмокший от навалившихся разом на его территорию напастей участковый уполномоченный, нервно оттирающий лоб тыльной стороной ладони. Вокруг трупа, тонируя разметавшиеся темные волосы, расплзлось бурое пятно, руки заломились в неестественной позе, глаза закатились, а кожа поражала ослепительной, лишенной жизненного румянца, белизной.

Завидев подходящее высокопоставленное начальство, сотрудники вытянулись, ожидая очередных наущений. От Леднева не укрылась гримаса недовольства на лице одного из них, умело скрывшаяся под маской профессиональной занятости.

Заур Имранович присел на корточки, цокая языком, привычным движением прощупал пульс, убедившись в полном его отсутствии. Повертел головой из стороны в сторону и взглянул кверху.

– Из окошка?

– Так точно, – согласился участковый. – Вон на пятом этаже открыто.

Леднев тяжело вздохнул: об отпуске теперь и вспоминать не стоило. Два трупа в одном месте и за один день – это уже система.

– Ну что, Илья Ильич, своих орлов отпустил? Тогда вспоминай молодость и принимайся за дело. Ты здесь представитель следствия, тебе – и карты в руки.

Панов недовольно пробурчал что-то в ответ, вызвав мимолетную улыбку у оперов, и, достав из кармана мобильный телефон, отошел в сторону, короткими толстыми пальцами набирая номер.

– Опознали? – Василий Петрович смотрел на правильные черты осунувшегося девичьего лица, огромные уставившиеся в июньское небо глаза, и от холодного застывшего взгляда невольно щемило сердце.

– Да, – невысокий кряжистый оперативник был хмур. – Личность известная. Журналистка из «Губернского колокола», Алена Соболева. В прошлом году перевелась к нам из Питера.

Вопрос о присутствии практически на месте преступления представителя прессы еще до конца не оформился в голове, но Хаджиев, перехватив его недоуменный взгляд, поспешил внести ясность:

– Редакция газеты «Губернский колокол» располагается как раз в этом крыле. Несколько лет назад губернатор распорядился выделить помещение в администрации для «рупора краевой власти». Таким образом взаимодействовать, точнее, контролировать СМИ, казалось, проще... тогда так думали...

Последнего замечания Леднев не понял, но уточнять не стал.

Постовой сбивчиво – произошедшее на желторотого мальчишку произвело гнетущее впечатление – рассказал, что трагедия разыгралась буквально на его глазах, за доли секунды, он и понять-то толком ничего не успел, не то, что предпринять что-то:

– Слышу, окно открылось. Я глаза-то поднял, вижу, как она на подоконник шагнула и сразу – вниз. Не думала ни мгновения! Сразу выскочила, точно с разбегу взлететь хотела.

Так безоглядно только на пожаре люди кидаются из окна, не думая ни о высоте, ни о возможных последствиях. Страх погибнуть от огня, стореть заживо толкает на любое безумство, Леднев знал это не понаслышке. За более чем двадцатилетний стаж в органах повидать довелось всякого. Жажда жизни застилает глаза, толкает вперед. Значит, там, за окном – избавление, а позади – смерть. Самоубийцы же на пороге обычно останавливаются, взвешивают, оценивают, боятся не того, что за спиной, а того, что впереди. Потому что впереди только одно – СМЕРТЬ. И шаг этот в жизни последний. Самый, что ни на есть, судьбоносный.

Сама ли? Не помог ли кто?

– Может, под препаратами? – Василий Петрович искал оправдание случившемуся. Смерть советника Штурмина временно отошла на второй план.

Не подросток уже, не девочка. Психика должна быть устоявшаяся, выросшая из переживаний юности, когда мимолетные порывы и крах ценностей часто влекут к суициду. А вот под кайфом и желание воспарить на облаках появиться может, и еще какие радужные картинки. Чего только не используют люди, чтобы мозг одурманить, чтобы реальность феерией подменить.

– Вряд ли, – Хаджиев задумчиво тер затылок. – Не замечена была ранее.

Леднев, удивленный бескрайними познаниями начальника краевого УФСБ, выгнул брови, но Заур спокойно объяснил собственную информированность:

– Ее и впрямь все знали. Она ж в крае столько шуму наделала со своими публикациями, что по-любому на виду была. Нет, ничего подобного... – глаза его погасли, точно внутри переключили какой-то неведомый тумблер. – Эксперты, конечно, точнее скажут. Но это не мое дело, это ментам и следствию заниматься.

Протянув руку для прощания, Заур Имранович откланялся. В том, что он не сует нос в дела, не проходящие по линии ФСБ, не было ничего удивительного. Как не возникало никаких сомнений, что если вдруг две смерти окажутся как-то связанными между собой – Леднев допускал любое развитие событий – нос Хаджиева тут же появится со всей присущей ему настойчивостью.

– Пойдем наверх, посмотрим, – предложил Леднев заму руководителя Следственного Управления, который никак не хотел переходить к активной фазе осмотра.

– Сейчас группа подъедет, – неуверенно отмахнулся Панов.

– Тогда я один, – Леднев не собирался препираться, как не собирался и терять времени даром.

Илья Ильич всплеснул руками, выражая крайнюю степень недовольства, но говорить ничего не стал, а послушно поплелся вслед.

На пятом этаже уставший полицейский сидел перед входом, ожидая приезда оперативно-следственной группы. В редакции не было ни души, и свет проникал только через непри-

крытые жалюзи. Послушно сопел кондиционер, едва справляясь с жарой, заполняющей огромный зал, перегороденный рабочими столами, сквозь открытую настежь дверь и большое окно, с которого ветер разметал сложенные в стопку бумаги.

Недалеко от окна одиноко мерцал бело-лунным свечением монитор ноутбука, кресло зияло пустотой, а на столе царил почти идеальный порядок, будто специально наведенный совсем недавно. И в этом празднике чистоты бросалась в глаза небольшая пепельница, плотно набитая окурками, сохранившими на фильтре следы губной помады.

На экране отпечатались всего несколько слов:

...Мне незачем больше жить. И некуда больше идти.

Все закончилось.

В моей смерти прошу никого не винить...

Склонившись над столом, Леднев крутанул колесико компьютерной мыши, сощурился. Перед ним был дневник. Личный дневник Алены Соболевой. Отсчет событий начинался 20 октября...

Часть вторая

История Алены Соболевой

1

Публикация с Интернет-сайта независимых расследований Дмитрия Смелова: Распил. Бюджет. И вилла на озере Комо.

Есть в нашем городе такая компания: «ПрогрессСтрой 21 век». Точнее, была такая компания. Еще точнее – компания как бы есть, а с другой стороны уже нет. Если верить Государственному реестру юридических лиц – а не верить ему нет никаких оснований – зарегистрирована она в Южноморске по адресу: б-р Мамина-Сибиряка, 14А. Поясню: финансово-хозяйственную деятельность данное юридическое лицо с некоторых пор не ведет в связи с началом процедуры банкротства.

Казалось бы, что здесь удивительного? Ну, собралась несколько лет назад группа единомышленников, и приняли они на своем собрании решение об учреждении ООО «ПрогрессСтрой 21 век», целью создания которого, как записано в Уставе, является получение прибыли. Ничего удивительного: бизнес для того и создается, чтобы сначала приносить доход учредителям, а уж затем удовлетворять потребности других страждущих, т.е. потребителей товаров и услуг. Таковы суровые правила капитализма. Ничего здесь не попишешь. И, как следует из названия, заниматься этим бизнесом господа единомышленники собирались долго и счастливо.

Но что же мы видим? Двадцать первый век на дворе, набирает силы и крепнет, а от ООО «ПрогрессСтрой» остались рожки да ножки. Что, если поразмыслить, тоже не редкость: ну, выбрали горе-бизнесмены неудачную стратегию, наняли на работу управленца-шарлатана или просто неумеху, оступились несколько раз – тропа капитализма терниста и сложна, не каждому поддается с первого раза, многие на ней и шею ломали и голову складывали (об этом будет далее). Короче, типичная ситуация для бизнес-среды. Мало ли их, проектов неудавшихся?

Так, да не так! Все гораздо сложнее и циничнее. Не стоило бы и вопрос поднимать, будь это рядовое событие на ниве российского бизнеса. Все бы ничего, если бы деятельность компании не касалась всех и каждого, повторюсь, каждого, кто любит и ценит наш славный Южноморск. Так как вся финансово-хозяйственная деятельность ООО «ПрогрессСтрой 21 век» свелась к освоению бюджетных средств, выделяемых на нужды города. Даже не города, а всего Южноморского края. Представьте, какой жирный кусок пирога достался группе предприимчивых единомышленников!

А теперь обо всем по порядку.

Как-то на заре 21 века встретились в одном месте житель города-героя Москва Семенов Виктор Александрович 1961 г/р, ростовчанин Голденблат Михаил Яковлевич 1949 г/р и краснодарец Теляши Валентин Матвеевич 1976 г/р. Были ли они знакомы друг с другом ранее нам не ведомо, но порешили они заняться совместным бизнесом и не где-нибудь, а здесь, на самом берегу Черного моря, в Южноморском крае. Для чего учредили уже упомянутое многократно ООО «ПрогрессСтрой 21 век» с Уставным капиталом 10 000 рублей. Если перечислять все виды деятельности, которые уважаемые господа указали в регистрационных документах, то не хватит формата данной статьи. Но есть среди них консалтинг и торговля, туризм и управление недвижимостью (девелопмент), проектирование и монтаж инженерных коммуникаций зданий, и даже строительство этих самых зданий. Короче, сразу охватить решили все, что пусть гипотетически, но может приносить прибыль.

Руководить всем этим хозяйством наняли ранее ничем не примечательного Моисеева Роберта Генриховича 30 лет, единственным достижением которого пока являлся только «красный» диплом Финансовой академии при Правительстве РФ, подлинность которого, впрочем, у некоторых вызывает обоснованные сомнения. Для солидности арендовали офис площадью 26 кв.м. в «SouthPlaza» – самом крупном торгово-офисном центре на юге России, что на улице Войкова, в трех минутах ходьбы от краевой администрации. То, что фактический адрес не совпадает с юридическим – не беда, этим грешат почти все небольшие фирмы и фирмочки, а контролирующие органы закрывают глаза – есть дела и поважнее.

И вот, когда все приличия соблюдены и организационные действия окончены, можно, наконец, заняться делом. Но каким? Под любой бизнес-процесс необходимо финансирование, а в распоряжении у уважаемого директора есть только 10 000 рублей, офис с секретаршей и амбиции крупного дельца. С подобным капиталом далеко не уедешь, но здесь-то и начинают твориться чудеса. Недавно созданное ООО, неожиданно для окружающих, выигрывает тендер на благоустройство всех без исключения городских пляжей в преддверии сезона с правом управления муниципальными объектами инфраструктуры: помещениями кафе, ресторанов и гостиничных комплексов на побережье. Сразу получив, таким образом, контроль над финансовыми потоками туристической отрасли. Под данный контракт один из уважаемых банков оперативно одобрил кредит на закупку необходимой техники и оборудования.

Дальше – больше. Не успев исполнить обязательства по первому контракту, «ПрогрессСтрой» принимает участие в следующем тендере и успешно получает подряд на озеленение городских улиц. Тот же банк выдает новый кредит на закупку семенного материала. И не где-нибудь, а в Голландии – цветочной Мекке Западной Европы. Видимо другого подходящего поставщика для нашего города, расположенного в субтропическом климате найти было нельзя. Но бизнесу виднее.

Как говорится, аппетит приходит во время еды, и третий контракт ООО заключает опять же с городом: реконструкция улицы Войкова и проспекта Щерса. Все честь по чести. На конкурсной основе, по результатам тендера, как и положено в соответствии с действующим законодательством.

Всего за один год работы компания «ПрогрессСтрой 21 век» стала крупным игроком на Южноморском рынке, но амбиции господина Моисеева, наверняка подогреваемые уважаемыми Учредителями, не могут ограничиваться достигнутым. Чудеса-то продолжают: край срочно нуждается в перестройке Южноморского порта и городского вокзала, приведении их в соответствие с международными требованиями. Нетрудно угадать, в чьи руки попал столь лакомый для многих контракт. С одним лишь отступлением: компании под руководством Роберта Генриховича не потребовалось обращаться за очередным кредитом – краевая администрация сразу после достижения договоренностей перечислила 70% от стоимости

работ. То есть деньги уже потрачены, а работы еще и не начинались. Между прочим, уважаемые читатели, наши с вами деньги, средства налогоплательщиков.

За несколько лет сотрудничества ООО «ПрогрессСтрой» в лице Генерального директора смогло убедить руководителей Южноморска и края в собственной благонадежности. Какими способами и средствами это было сделано мне доподлинно неизвестно, но следующим этапом совместной деятельности стало выделение участков земли под жилищное строительство в рамках программы «Улучшение условий проживания молодых семей в Южном федеральном округе». Небезызвестные кварталы «Новосочинский», «Приморский», «Взморье». Надо отдать должное таланту и энергии господина Моисеева, вкупе с его ориентацией на профессионалов: строить начали не как заведено в России – с коробок жилых домов посреди поля, а как принято на Западе – с дорог и коммуникаций. За что вновь получили весомую предоплату из краевого и даже, говорят, федерального бюджета.

Деятельность компании оказалась на столько успешной, что спустя пять с небольшим лет в руки ее Учредителей попало более 85% бюджетных средств, выделяемых на строительство и благоустройство Южноморского края. Сумма, исчисляемая многими миллионами долларов США.

В чем же секрет столь феноменального успеха ООО «ПрогрессСтрой 21 век»? Может быть, загадка кроется в личностях учредителей? Давайте остановимся на каждом из них подробнее. Граждане эти не публичные, и информацию пришлось собирать по крупицам.

Виктор Александрович Семенов. Родился в мае 1961 г. в семье Марины Ефимовны и Александра Филипповича Семеновых в городе нефтяников – Тюмени. В 1973 г. с родителями переехал в столицу, где по окончании средней общеобразовательной школы поступил в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Коммуникабельный и активный Виктор быстро выбился в комсомольские лидеры, став вскоре членом районного комитета ВЛКСМ. Уже тогда сверстники отмечали в нем умение завязывать полезные знакомства и готовность идти к цели любой ценой.

Получив диплом «с отличием» молодой комсомолец не покинул альма-матер, оставшись преподавать на своем потоке. В 1987 году успешно защитил кандидатскую диссертацию и тут же женился на дочери первого секретаря райкома партии, обеспечив себе стремительный взлет по карьерной лестнице.

К сожалению, спустя всего несколько лет, КПСС почил в бозе, чуть было не оставив Виктора Семенова не удел. Тесть к тому времени впал в опалу и являлся скорее балластом, чем спасательным кругом, и семейная жизнь дала трещину. Без колебаний оформив развод и оставив жену с двумя малолетними детьми на руках, недавний комсомольский активист создает коммерческий банк «Московский финансовый траст» и остается его бессменным руководителем до краха в результате экономического кризиса 1998 года. После августа 98-го пострадало много финансовых институтов, так что можно ли здесь винить Виктора Александровича – большой вопрос. К чести нашего героя стоит отметить, что он не скрылся за границей, как поступили многие его коллеги, а остался скромно жить в России, но активным бизнесом заниматься больше не отважился... до момента учреждения ООО «ПрогрессСтрой 21 век».

Другая интересующая нас персона – Михаил Яковлевич Голденблат – коренной ростовчанин, личность известная в определенных кругах. Потомственный антиквар и ювелир, чей авторитет среди культурного бомонда юга России не подлежит никакому сомнению. Если уважаемый Михаил Яковлевич рекомендует купить вам суцию безделушку 18-го века в золотом обрамлении – берите смело, не прогадаете. Вещь стоящая. Но это если вы имеете прямое отношение к тому самому «определенному кругу». Если же нет... Говорят, среди антикваров не запахло впарить лоху новодел вместо настоящей исторической ценности...

Из любимого Ростова-на-Дону надолго отлучался лишь однажды, чтобы поступить на режиссерский факультет ГИТИСа им. А. Луначарского. Видимо, хотел связать свою жизнь с театром. Дипломный спектакль по пьесе Мольера «Тартюф» он поставил дома, на сцене Областного ростовского театра. Но на этом эксперименты с Мельпоменой закончились, и господин (тогда еще товарищ) Голденблат вернулся к отцовской профессии.

В 80-е Михаил Яковлевич уже слывет известной личностью и высококлассным специалистом. Несколько раз проходил свидетелем по уголовным делам, связанным с квартирными кражами, нарушением правил валютных операций и даже контрабандой исторических ценностей. Но ни разу не привлекался в качестве обвиняемого. Также оказывал помощь следствию, выступая в качестве эксперта при оценке ювелирных изделий и предметов антиквариата.

С начала 90-х по сей день ведет скромную торговлю в собственном антикварном магазине на улице Морозова, 5. Ни в чем предосудительном больше замечен не был... до включения в состав учредителей ООО «ПрогрессСтрой 21 век».

И последний наш герой – Теляш Валентин Сергеевич. Точная дата и место рождения неизвестны. Детдомовец. Отличается жестким характером, своенравен. Кандидат в мастера спорта по боксу, призер чемпионата Краснодарского края среди юниоров. Срочную службу проходил в РВСН. Чемпион Дальневосточного военного округа по армейскому рукопашному бою. Во время увольнительной, по официальной версии, затеял драку с таксистами на вокзале во Владивостоке и за нанесение тяжких телесных повреждений получил пять лет лишения свободы. Отсидев три, был условно-досрочно освобожден и вернулся в Краснодар.

В настоящее время место нахождения неизвестно.

Бизнесом никогда ранее не занимался. ООО «ПрогрессСтрой 21 век» – первый коммерческий опыт.

Что могло свести вместе столь разных людей? Единственный из них, кто неплохо должен бы разбираться в финансово-хозяйственной деятельности – Виктор Семенов, бывший банкир и партаппаратчик. Ни Голденблат, ни тем более Теляш, при всем моем уважении к данным господам, на успешных предпринимателей не тянут. Так зачем же они друг другу? И как так случилось, что практически все краевые подряды попали в руки столь разношерстной компании?

Ответов на эти вопросы у меня, к сожалению, пока нет.

Возможно, удачный выбор руководителя – Роберта Генриховича Моисеева – основа невиданных успехов. Хотелось бы верить. Однако, кроме диплома финакадемии, которым уважаемый директор любит козырять чуть ли не на каждом углу, доподлинно о нем ничего неизвестно: не был, не состоял...

Но что же мы получаем в итоге? Бизнесмен, антиквар и спортсмен (термин «бандит» специально не будем употреблять к одному из компаньонов) создают коммерческое предприятие, для управления которым нанимают молодого человека с липовым дипломом уважаемого учебного заведения, и на протяжении ряда лет самым бесстыдным образом пиллят бюджетные деньги.

Почему «пилят» и почему «бесстыдным»? Отвечу! Если вы не знаете, пляжи, которые ООО «ПрогрессСтрой 21 век» первоначально было призвано благоустроить, остались фактически прежними: здесь песочку подсыпали, здесь, простите, туалет подколотили, там дорожку замостили и стеночку кафе краской подмазали. Все это не идет ни в какое сравнение со сметами на проведение работ, в которых указаны суммы с большим количеством нулей. С озеленением похожая история: работы проведены, скверы, клумбы и газоны вроде бы разбиты, цветы высажены, но кто сейчас установит, сколько денег было закопано в землю?

Реконструкция вокзала ограничилась раскопкой два года назад котлована на площади, где раньше для удобства приезжающих и убывающих останавливались автобусы, и стояли такси. Здания порта затянули строительной сеткой, завезли технику, которая уже не пер-

вый год лениво ползает туда-сюда, создавая иллюзию деятельности, но не производит никакого результата.

Жилые кварталы, которых с нетерпением ждут молодые семьи, так и застыли на этапе дорожного строительства. Если ради интереса вы посетите, например, район «Новосочинский», то с удивлением обнаружите полное отсутствие асфальтового покрытия и голое поле, расчищенное бульдозером. Ни одного дома, ни даже фундамента или котлована. Ничего!

А время идет, и деньги уже потрачены...

Руководство ООО «ПрогрессСтрой 21 век» пеняет на всех, кроме себя: мол, смежники вовремя не поставили материал, лизингодатели в нарушение контракта не предоставили строительную технику, банки задерживают перечисление очередных уже одобренных кредитов, власти не могут до конца довести процесс согласования. А между тем, субподрядчики, занятые на строительстве объектов, жалуются, что заказчик в лице господина Моисеева сам затягивает все возможные сроки, под фиктивными предложениями отказывается принимать уже выполненные работы и оплачивать их. В результате актов явного саботажа со стороны «ПрогрессСтроя» рабочие не могут получить заработную плату уже несколько месяцев и отказываются в дальнейшем работать на фирму Моисеева.

Роберт Генрихович, конечно, своей вины не признает и продолжает пенять на окружающих. А ведь собственными действиями он подрывает авторитет не только краевой, но и федеральной власти, которая многое пообещала избирателям.

По-моему, на лицо явное мошенничество, совершенное группой лиц только с одной целью – завладение средствами краевого и федерального бюджетов.

Есть здесь и другая сторона, совсем криминальная. Местным органам правопорядка неплохо было бы обратить на данные факты пристальное внимание. Вся деятельность ООО «ПрогрессСтрой» сопровождается чередой странных несчастных случаев среди конкурентов и партнеров по бизнесу.

Не так давно в Южноморске была известна компания «Фотон групп», основным акционером которой являлся Самвел Ашотович Навоян. Компания, надо сказать, тоже с темной историей, но блокирующий пакет в ней принадлежал городу, что позволяло надеяться на соблюдение определенных правил игры, и Самвел Ашотович ежегодно лично отчитывался о проделанной работе перед горожанами. Нельзя со стопроцентной гарантией ручаться, что был господин Навоян кристально честен, но результат его труда мы все можем лицезреть невооруженным глазом: современные развязки на окружной автодороге, новое здание Городской клинической больницы, переустройство Южноморского аэропорта, строительство торгово-развлекательного комплекса «Армения», в котором многие южноморцы с удовольствием проводят выходные целыми семьями. Прилипало ли что-то к рукам главы «Фотон групп» или нет – для меня, например, не столь важно. Главное, что он смог сделать наш город чище и краше, город, которым мы любимся каждый день.

Но мало кому известно, что именно под руководством Самвела Ашотовича разрабатывались перспективные планы подготовки к туристическому сезону, включающие реконструкцию пляжного хозяйства, и проект перестройки порта для увеличения пропускной способности и грузооборота. Оба этих подряда впоследствии достались ООО «ПрогрессСтрой 21 век».

Так уж случилось, что перед самой подачей документов для участия в тендере по благоустройству пляжей Самвел Ашотович – заядлый яхтсмен – вышел в море, невзирая на надвигающуюся бурю. Обломки его яхты «Валенсия», спустя несколько дней, вынесло на берег близ Джубги. Тело бизнесмена так и не нашли.

Другой загадочный несчастный случай произошел с главным архитектором Южноморска Исой Шалвовичем Чагаевым, который до последнего отказывался согласовывать проект перестройки улицы Щерса, предложенный господином Моисеевым, по которому подлежало сносу несколько строений, расположенных в исторической части города. Иса Шалвович бук-

важно грудью встал на защиту памятников архитектуры, не поддаваясь увещаниям бизнесменов и уговорам коллег. Последний художник, цвет нашей интеллигенции... Однажды вечером подвергся разбойному нападению неизвестных, был жестоко избит и с черепно-мозговой травмой и несколькими ножевыми ранениями доставлен в больницу. Преступники забрали у чиновника бумажник, мобильный телефон и золотые часы, что позволило следствию настаивать на версии ограбления. С тех пор господин Чагаев не может самостоятельно передвигаться, страдает частичной потерей памяти и ждет очередной операции, которая, возможно, поставит его на ноги.

Третий эпизод случился с директором ГУП «Южноморский морской порт» Юрием Михайловичем Урумовым. Коллеги характеризуют его исключительно с положительной стороны как профессионала, без малого тридцать лет отдавшего службе городу, ставшего руководителем еще в советские времена. За годы его трудовой деятельности порт превратился из третьесортного малооборотистого хозяйства в высоко эффективное коммерческое предприятие с мощной инфраструктурой, одного из крупнейших налогоплательщиков края. Именно Юрий Михайлович воспротивился активно лоббируемой в кулуарах власти все тем же Моисеевым идее перестройки портового хозяйства. И не просто был против, а аргументировал тем, что по предлагаемому плану вверенное ему предприятие окажется связано по рукам и ногам на время длительного строительства, так как программа реконструкции сырая и непродуманная. Указывал, что подобное предложение не ново, не соответствует требованиям современности, и было уже отвергнуто в середине девяностых прежним краевым руководством. Только тогда проект был подготовлен не ООО «ПрогрессСтрой 21 век», а другой организацией.

То есть фактически еще и обвинил Роберта Генриховича Моисеева и уже с ним в плагиате.

Борьба продолжалась не долго: будучи на охоте, Юрий Михайлович Урумов не удержался на тропе и сорвался в пропасть.

Вскоре Южноморский порт получил нового директора, а «ПрогрессСтрой» – выгодный подряд.

Очередной случай из недавнего прошлого произошел с ОАО «СК-Цемент», точнее с коммерческим директором акционерного общества. Дело в том, что между ООО «ПрогрессСтрой 21 век» и ОАО «СК-Цемент» был заключен договор на поставку строительных материалов на условии 30-ти дневной отсрочки платежа для строительства новых кварталов. Материалы поставлялись в сроки, указанные в контракте, а вот с оплатой стало твориться что-то невероятное. Сначала деньги ушли на несуществующий расчетный счет и почти две недели неопознанными висели в банке, за что Моисеев пообещал уволить своего бухгалтера, затем тот же бухгалтер допустил еще одну ошибку в платежном поручении, и «СК-Цемент» вновь не получил положенных по договору денег.

Когда все сроки оплаты оказались сорваны, Роберт Генрихович Моисеев написал гарантийное письмо с обещанием закрыть задолженность. Но деньги не перевел.

А между тем, ОАО «СК-Цемент» исправно исполняло свои обязательства поставки материалов на стройплощадку района «Взморье». За это время долг достиг невообразимых размеров. Понимая, что фирма господина Моисеева просто злоупотребляет доверием, коммерческий директор «СК-Цемент» Волгин Артем Артемович дал указание подчиненным прекратить отгрузку цемента и ЖБИ до полного погашения долга «ПрогрессСтрою».

Спустя несколько дней, находясь с деловой поездкой в Украине, Артем Артемович в окрестностях Киева попал в ДТП. Сам господин Волгин и его водитель погибли на месте, спасателям пришлось применить специальное оборудование, чтобы извлечь их тела из искореженного «Мерседеса».

И последнее ЧП произошедшее около месяца назад, на стройплощадке района «Приморский». Возмущенные несоблюдением ООО «ПрогрессСтрой» взятых на себя обязательств, в

частности регулярной задержкой заработной платы, рабочие устроили стихийный митинг с понятным требованием погасить долги. Разруливать ситуацию Роберт Генрихович Моисеев отправился лично. Встретился с инициативной группой, сел за стол переговоров, даже признал притязания профсоюза законными и, как водится, пообещал удовлетворить их в кратчайшие сроки. Правда, отметив, что трудовые договоры строителей заключены с подрядчиком, т.е. ООО «ВысотаИнвест», к которой сам Моисеев никакого отношения не имеет. Но так как он является координатором и исполнителем проекта «Приморский», то обязательно во всем разберется. Справедливость должна восторжествовать! Он – рубаха-парень – как никто другой понимает чаяния простых работников и обязательно приложит все возможные усилия для разрешения конфликта.

Какие усилия приложил Роберт Генрихович и на какие рычаги нажимал – доподлинно неизвестно. Но в тот же вечер один из активных участников забастовки выпал с двенадцатого этажа единственного возведенного здания. Уголовное дело по данному факту вскоре было закрыто в связи с отсутствием состава преступления.

Несчастный случай.

Между тем, вопреки заверениям главы «ПрогрессСтроя», долги по заработной плате по сей день не погашены, но строители больше не отваживаются на забастовку, опасаясь потерять не только заработанное, но и жизнь.

Не хотелось бы излишне сгущать краски, однако, события говорят сами за себя: люди, осмелившиеся встать на пути у выше названных господ предпринимателей, без церемоний уходят в мир иной. А так как следствию ни разу не удалось выявить криминальную составляющую происшествий, то остается кивать только на мистику. Точно сам дьявол покровительствует бизнесменам.

Вы в это верите?

Мне кажется, можно найти более простое и логичное объяснение. Судить же вам, уважаемые читатели...

За пять с половиной лет активной хозяйственной деятельности ООО «ПрогрессСтрой 21 век» заключило огромное множество контрактов, получило большое количество кредитов и займов, закупило сотни единиц техники и дорогостоящего оборудования, но... осталось ни с чем. На балансе у Общества нет практически ничего кроме долгов. Основные средства либо пришли в негодность в результате интенсивной (откуда?!) эксплуатации, либо проданы (зачем?!) неизвестным контрагентам. Денежные средства выведены с расчетных счетов через мудреные схемы с использованием фирм-однодневок, зарегистрированных по утраченным паспортам.

То есть де-юре ООО «ПрогрессСтрой 21 век» вроде бы существует, а де-факто – нет. Видимо прописанное в Уставе ООО «получение прибыли» господа учредители поняли слишком буквально.

Осознавая всю фатальность сложившейся ситуации, кредиторы друг за другом подают в суд, стараясь компенсировать хотя бы часть понесенных потерь. Но так как активов, как я уже сказал, у Общества почти не осталось, и удовлетворить многомиллионные притязания кредиторов «ПрогрессСтрой» не в состоянии, была начата процедура банкротства. Т.е. очередная афера, в результате которой и город, и партнеры по бизнесу останутся «с носом», а уважаемые господа, активно пилившие на протяжении пяти лет краевой бюджет – «в шоколаде». Т.к. – поясню для тех, кто не знает – Общество с ограниченной ответственностью – такая организационно-правовая форма, при которой хозяйствующий субъект несет ответственность по обязательствам исключительно в рамках принадлежащего ему имущества. А Уставной капитал ООО «ПрогрессСтрой 21 век», как вы помните, всего 10 000 рублей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.